

Сейчас в Москве проходят художественные конкурсы молодых исполнителей на право участия во Всесоюзном фестивале молодежи и студентов. Из всех республик Советского Союза, из всех краев, областей прибыли в Москву молодые исполнители, чтобы продемонстрировать свои таланты, свое мастерство. Ниже мы рассказываем о некоторых из них.

— Я пел эту песню, когда служил на Тихоокеанском флоте, — сказал мне Байназар Кунрабасов.

Конкурс по народному пению подходил к концу. Мы с Байназаром сидели у самой эстрады и слушали Виктора Барановского. Следующая очередь была Кунрабасова.

— Ведь я шофер, — говорил Байназар. — Колхоз у нас огромный, степной. Называется «30 лет Казахстана». Едешь в машине и поешь. Казах не может не петь, хоть и сменил коня на пятитонку. Солист хора русской песни Всесоюзного радио Виктор Барановский (это он пел только что о русском приволье) сошел со сцены и сел на место Кунрабасова. Мы слушаем песню Абая Кунрабасова «Шлю тебе привет, каламкаш».

— Телый голос, — говорит Барановский, — мягко очень поет. Впрочем, песни Абая нельзя петь иначе.

Оказывается, Барановский знает песни Абая.

А потом, после выступления Кунрабасова, мы беседуем втроем. Виктор Барановский рассказывает, как пришел он на Всесоюзное радио из вокального кружка московского клуба «Кайчук». В огромной артистической шумно: те, кто уже выступил, дают советы товарищам; бьют и зарек перебивают друг друга; дружный стук каблучков — белгородский оркестр направляется в зал.

В открытую дверь летит высокий и чистый голос.

— Тихо, — говорит одна из девушек-белгородок. — Кто это поет? Послушайте, как чудесно!

— Это Шюста Муладжидовна из Таджикистана, — отвечает Барановский. — Она приезжала в Москву на таджикскую декаду. Была солисткой ансамбля рубабисток.

Шюста слушает в абсолютной тишине. А когда она приходит в артистическую после выступления, поздравлениям нет конца.

Поет белгородский оркестр. Два года назад эти восьмерка ездила на Варшавский фестиваль. Белгородская народная песня «Реченка» — разные голоса от нежного сопрано Нелли Придачной до бархатного голоса Вали Морозовой сливаются в один чистый поток. На конкурс не положено аплодировать. Но, должно быть, никто из членов жюри не счел эти аплодисменты противозаконными — «Реченка» понравилась всем.

Белоруски поют дольше всех, еще бы, ведь их весна!

В артистической тикочко подпевают, это чудный квартет — его участники как хорошо знают белорусские песни.

И когда уже закончен день первого тура и автобусы с фестивальными эмблемами на ветровом стекле подвезают к Концертному залу ЦДСА, — пенне все продвигается.

Идет дождь. Ниче в Москве дождливое лето. Впрочем, именно такой она и представляла себе Москву: блики автомобильных фар на мокром асфальте, яркие цветные скверы — веселый говор на улицах и эти прыкие дажные дожди. Их почти никогда не бывает в Астрахани, где Нонна Сырваткина встала и кончала этой весной педикунт.

Теперь она — преподаватель истории. Недавно в Саратове, на последнем перед Москвой конкурсе художественного чтения, ей говорили, что она могла бы стать мастером художественного слова. Еще бы: ведь ее одну послали на всесоюзный конкурс от всего Нижнего Поволжья. Но она ответила тогда, да и всегда она так считала, что профессия ей менять незначит. Что может быть луч-

ше школы? И разве, беседуя с ребятами, не нужно мастерски владеть художественными словом?

На конкурсе Нонна читала свой любимый рассказ — «Корзину с еловыми шишками» К. Паустовского, о маленькой норвежке Дагни Пердерен, которой повсюду свою музыку Эдвард Григ.

Обо всем этом Нонна Сырваткина рассказывает мне, пока мы ждем ее товарищей по конкурсу — Людмилу Шенкину и Николая Бута. В фестивальной штабе художественных конкурсов, где мы сидим на подоконнике, стучат машинки, звонят телефоны, бесконечно объявляют что-то диспетчер.

Наконец приходят Бут и Шенкина. О себе они говорят немногое: да, оба из самодельности, впрочем, как большинство участников предфестивальных конкурсов. У обоих — любимые профессии. Бут кончает живописный факультет Харьковского художественного института, пишет дипломную работу — «Оборона Брестской крепости». Шенкина преподаватель французский язык в Ленинградском университете. Потому она и читает Арагона на двух языках. Вот они, стихи Арагона, — у Людмилы в руках томик, заложенный трагиком: «Легенда о Габриэле Перри», написанная Арагоном ко второй годовщине со дня гибели редактора «Юманите» Габриэля Перри.

Всей кровью жаркую французской Нам верен Габриэль Перри!

А Николай Бут читает по-украински «Сон» Шевченко. У него тоже с собой книга — «Кобзарь», маленький изящный томик.

Мы выходим из штаба все вместе. У Малого зала Консерватории — объявление о всесоюзном конкурсе по музыкальным инструментам: масса девушек и юношей со скрипками, алтами, виолончелями и контрабасами толпится у подъезда. Подъехала группа цирковых артистов — они еще в гриме и костюмах. Фестиваль начинается...

В артистической рядом с черными лакированными гитарами и перламутровыми аккордеонами стоит бутылка с веточками цвы, грибами и жимолостью — «музыкальный инструмент», на котором играет парень с Гуцульщины Ярослав Полатайчук. И когда он на сцене, — в оркестровых пюпиталах и шпальте с журнальными пером, — когда зеленая ветка и его губ дрожит, как струна, в зале становится тихо, как в горах, пока еще не рассвело.

Но черные гитары тоже не остаются в долгу. Черные гитары — это грузинское трио: Марек Годзиашвили и ее друзья по тотчасному музыкальному училищу — Котэ Макаридзе и Гизо Даушавили.

«...Мы с тобой молоды, перед нами вся жизнь. Ты строишь города, я поехал поднимать целину. Закосилась роза в степи — вырастут города. Мы далеко друг от друга. Но делаем одно дело: мы строим жизнь. Я скоро приеду — жди меня!» Марек Годзиашвили написала не только эту песню, — «Цавери» и «Тбилиси» из программы трио тоже принадлежат ей.

«...Вы когда-нибудь видели, как ловят соловья? Может быть, и нет, ведь не везде же такие соловьиные места, как под Тулоу, в Едреновском районе, где живет комбайнер Владимир Шумский. За сцену разливается на все лады соловей. Настоящий соловей, совсем не такой, как те, которых мы привыкли слушать в эстрадных концертах. За соловьем крадется человек. Соловей не чувствует, что за ним следят, и спокойно перелетает с ветки на ветку — то далеко, то совсем рядом его звонкая трель. Вот человек накрыл соловья шалью, и его крылышки трещат в ладошках. Теперь уже не трель — жалобный писк. Но человек раскрывает руки, и соловей улетает с песней.

Так заканчивается этот вечер — после чудесных песен мужского квартета Урлашавица (он поет «Кольебелную» Брамса и «Снежную фантазию» Эббергарта), после смешных стихов, которые отлично читает дуэт молодых врачей — Лившич и Левенков, после акробатов, жонглеров, шалозонистов — всего самого лучшего, привезенного со всех концов Союза на конкурс молодых эстрадников.

Ярослав Полатайчук, Кутская сплавная монора Станиславской области УССР. Оригинальный жанр — игра на листьях. Фото С. Шингарева

ЖУРНАЛЫ В ИЮЛЕ

«ЗНАМЯ» Рассказы Д. Осина, а также окончание повести Н. Чуковского «Последняя командировка» представляют прозу в седьмой книге журнала. С новыми стихами выступает В. Бокков. Среди публицистических произведений и очерков — «Перестройка», репортаж Г. Марягина из Горьковской области, «Окраина становится центром!» Б. Баблюка — о социалистических преобразованиях в Якутии и статья «Еще один «ТВ»» Д. Эюзина — летчика, испытывавшего этот самолет.

«Трибуна писателя» — «Письмо старому другу» А. Коваленкова — о некоторых ввозах поэзии. С июля в журнале вводится новый отдел — «Искусство». В нем напечатаны статьи: Д. Журавлева — об Улановой, М. Туровской — о постановках пьес итальянского драматурга де Филиппо на советской сцене, Л. Кассиля — о Ракинне и несколько интервью на темы строительства в архитекторах К. Алабяном, З. Розенфельдом, А. Борешким.

В отделе критики и библиографии — статья Л. Якименко, Е. Книпович, К. Зеландского, Е. Суркова, В. Панкова, С. Дмитриева и В. Ардова.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 79 (3735) Вторник, 2 июля 1957 г. Цена 40 коп.

Со всех концов нашей Родины

РАССКАЗЫВАЕТ ДОМБРА...

Знакомство наше состоялось давно. Однажды в марте, когда зеленел пустыня, на низинах тает снег, а на горных перевалах еще хозяйничает весенняя вьюга, нам объявили, что в районном центре будет проведен смотр художественной самодеятельности школ.

Из маленького ала, лежащего в одной из долин Джунгарских гор, мы пешком добрались до Андреевки.

...На клубной сцене — загорелый мальчик в штертой тюбетейке, стеганный из козьих казахских валенок. В руках самодельная и разукрашенная цветным карандашом домбра.

В зале тишина. Рука, опускается тихо, ударяет по струнам. Мальчик прислушался к звуку. Кажется, теперь он забыл, что находится на сцене. Пальцы еще раз тихо бьют по струнам. Откуда-то издала доносилась мелодия песни. Она растет, ширится, крепнет, перерастает в клич, слышится поют качущих коней, свист степного ветра.

Я знал содержание песни, которую он исполнял. Это была старинная легенда о силе искусства, о силе домбры.

Когда-то жил свирепый хан. Его наследник, единственный сын, полюбил охоту. Но кто осмелится сказать хану о смерти его сына?

«Кто некальную вещь принесет, тот будет казнен, а кто радость донесет, тот будет озолочен», — объявил свирепый хан. Джигиты молчали. И вот к владычнице пришла слепой старец с домброй.

— С какой вестью пришла ко мне, слепец? — спросил хан.

Вместо ответа старец заиграл на домбре. Мелодия рассказала хану о смерти сына. Он велел казнить старца.

— Где же твоя честь, владыка? — воскликнул старик. — Не я, а домбра передала правду.

Побежденный хан приказал горячим свинцом залить горловинку домбры и запереть упол с троном.

Эту мелодию, которая, по преданию, была создана старцем, перел Малагжар (так зовут юношу домбриста). Тогда, на смотре, он получил первый приз. Это случилось в день, когда на репетиции нового молодежного состава Казахского оркестра национальных инструментов, созданного в дни подготовки к фестивалю. Коллектив этот готовится к поездке на фестиваль. Один из солистов оркестра — Малагжар Абукаиров.

После десятилетия и работы в родном аде он поступил в консерваторию и недавно успешно закончил ее.

Судьба всех юношей и девушек молодого оркестра похожа на судьбу Малагжара. Учеба в родном аде, затем вуз. Все они дети чабанов и пастухов, которые в детстве даже не смели мечтать о вузе. Их домбры на фестивале рассказывают о прошлом и настоящем родной степи, родной страны, своего народа.

А. АЛИМЖАНОВ

Молодость Ленинграда

Молодость талантлива. Она сродни музыке и песне. И нет ничего прекраснее на свете, чем песня молодости, для которой надежды распахнуты все двери в мире. Это чувство охватило тех, кто в теплый ясный вечер пришел на стадион имени С. М. Кирова, где состоялся заключительный фестивальный праздник ленинградской молодежи.

Зеленый холм над Финским заливом стал гигантской ареной, на которой молодые ленинградцы продемонстрировали свою силу, ловкость, свое искусство. Величаво и широко прозвучала над Стадионной мелодия гимна великому городу Р. Глиэра в исполнении оркестра и хора. Как клатва верности, звучат слова гимна демократической молодежи.

Певцы и танцоры — это молодые рабочие Ленинграда, учителя и инженеры, учащиеся ремесленных училищ и студенты. В свободном хоре вместе с тысячами молодых ленинградцев пели участники прославленного самостоятельного коллектива хора университета. Этот хор на протяжении многих лет не стареет, не утрачивает своей «формы», все время повышает исполнительское мастерство. Люди оканчивают университет, уезжают в разные концы страны, на их место приходят новые студенты, но хор университета неизменно остается одним из лучших хоровых коллективов Ленинграда. Он успешно соперничает с академическими хорами. Вместе с симфоническим оркестром он выступает в концертах. Хор Ленинградского университета (руководитель Г. Сандлер) будет достойно представлять свой город на международном фестивале.

В день праздника не пела в хоре одна из самых лучших его участниц — Людмила Филатова. Она выступала в это время в Москве, и слушали ее не сто тысяч юношей и девушек, а несколько строгих судей — жюри первого тура конкурса солистов всесоюзного фестиваля. И оценка ее выступления была самой высокой.

Успешно выступали в первом туре конкурса и другие посланцы Ленинграда, в частности эстрадный квартет Ленпромстройпроекта. Квартет этот отличается профессиональное исполнительское мастерство, а ведь в его составе нет профессионалов. Все его участники получили возможность развить свои способности в рабочем клубе. Квартет порадовал не только виртуозностью исполнения, но и удачными находками в репертуаре.

И когда уже зашла речь о репертуаре, то надо сказать, что эстрадный коллектив пришелся по вкусу очень большой аудитории зрителей, чтобы отметить произведение для квартета. Новых произведений мало. Но фестиваль разбудил инициативу среди молодежи, помог открыться самостоятельным талантам.

Эстрадный коллектив Дома культуры промкооперации создал своими силами образцы «А мы отыдем так» и «Музыка и слова песен написали участники самодеятельности».

Много молодых талантов воспитал клуб трудовых резервов Ленинграда. Вот Юрий Урусов — воспитанник ремесленного училища, ныне студент индустриального техникума Московский университет его выступление в лирическом русском танце «Колосик» и в фрагментах из балета «Глянь». Премонстрирует свое искусство формочки Олег Попов, обладатель незаурядного тенора, певца Алла Васильева, балетисты Михаил Лапенко и Владимир Гуцин.

Среди лауреатов ленинградского фестиваля — хореографический коллектив Выборского Дома культуры, показавший половецкие пляски, и вокальный ансамбль «Дружба», созданный при Ленинградском консерватории из молодежи разных национальностей.

— Доброго пути! — С этими словами провожают молодые ленинградцы своих друзей на Московском вокзале.

Глеб ГОРШИН

На снимке: Участники Ленинградского фестиваля на стадионе имени С. М. Кирова. Фото Г. Чертова

СЕРДЕЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Много интересных и сердечных встреч с москвичами было у посланцев Кабардино-Балкарки в дни их пребывания в столице. Зрители тепло приняли спектакли национального драматического театра и кабардинской студии при Государственном институте театрального искусства имени А. Луначарского, горячими аплодисментами приветствовали участников показа художественных коллективов и самодеятельных ансамблей республики. Почти ежедневно писатели и артисты братской республики встречались с трудящимися столицы, выступали на предприятиях и в колхозах Подмосковья.

Удачным был творческий вечер А. Кешокова и К. Кулиева в Центральном доме литераторов. Прекрасные стихи, прочитанные на этом вечере, послужили отличным подтверждением той высокой оценки, которую дал С. Липкин в своем вступительном слове творчеству этих двух талантливых поэтов. Выражая благодарность за такую оценку, А. Кешоков и К. Кулиев подчеркнули, что своими успехами они во многом обязаны дорогим друзьям — замечательным русским поэтам, так искренно и любовно переводящим их произведения на русский язык.

Об этом же чувстве признательности к русским собратьям по перу, способствующим тому, чтобы литература Кабардино-Балкарки стала достоянием широких читательских кругов, говорили и на большом поэтическом вечере дружбы, организованном Союзом писателей СССР.

Много посетителей побывало на выставке молодого изобразительного искусства республики, разместившейся в залах Центрального детского театра. Они с интересом осматривали произведения, посвященные историческому прошлому республики, ее сегодняшнему дню, труду и быту народа.

Вчера торжественным вечером в Большом театре Союза ССР закончился показ достижений литературы и искусства Кабардино-Балкарской АССР.

Закончилась декада польской культуры в Литве

В дни декады польской культуры в Советской Литве большим успехом у зрителей пользовались замечательный народный молодежный ансамбль «Шленска» в репертуаре которого — жинератские песни и танцы Силезии.

На одном из концертов «Шленска» гости пришли приветствовать участников ансамбля песни и танца Вильнюсского университета. Когда литовские студенты спели польскую народную песню «Кукушка», а гости в ответ — литовскую народную песню, присутствовавшие устроили овацию исполнителям. Студенты подарили гостям цветы, а ансамбль подарил дипломы зрители они уценили студенческие шапочки хадунского государственного университета «Шленска» Станислава Гардыну, солистку Уршулю Порволь и других участников ансамбля.

Ансамбль «Шленска» побывал также в Каунасе. Каунас посетили и польская делегация, возглавляемая министром культуры и искусства Польши К. Курлюком. Она осмотрела достопримечательности города, возложила розы на камень в долине Мицкевича, у которого поэт часто отдыхал.

За короткое время декады в Литве стали популярными польские артисты В. Кидеминский, А. Реплер, один из лучших молодых пианистов Польши Р. Смеланджис, скрипач Г. Паулюс, певцы П. Букевичис, Р. Спихальский, С. Будный, балетная пара Т. Кунава и К. Дневский и другие исполнители. Под управлением гостей из Польши симфонический оркестр Литовского радио, кроме ряда произведений классиков польской музыки Шопена, Карловича, Венявского, успешно подготовил и выступил на концертах симфонического оркестра и публицистический ансамбль «Шленска».

Важным фактором познания польского искусства послужила выставка польского народного искусства и Вильнюсе.

Во время декады в Литве литовские писатели познакомились с представителями литературной общности Польши — Г. Браунисом, М. Сломчинским, М. Микунискием и другими польскими писателями и журналистами.

Большим успехом пользовался фестиваль польских художественных кинофильмов и киноочерков.

Декады польской культуры в Литве и литовской культуры в Польше завершились большими концертами в Вильнюсе и Варшаве.

Вильнюс. (Наш корресп.)

ЗАВТРА — ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА А. Н. ТОЛСТОМУ

3 июля в 5 час. вечера в сквере у Никитских ворот, близ дома, где жил Алексей Толстой, состоится торжественное открытие памятника выдающемуся русскому писателю.

Памятник выполнен Г. Мотовиловым.

ЧЕЛОВЕК В ТРУДЕ

Кто в наш рабочий век с трудом Тот и сейчас для нас не человек. Степан ШИПАЧЕВ

Превосходная мысль! Если труд сделал человека, то свободный труд делает его человеком коммунистического общества.

БЕЗ ТРУДА не может быть полноты жизни. Если бы Григорий Трошук, герой повести украинского писателя Л. Орловского «Сердце солдата» и не знал этого раньше, он понял бы это в той же, которая стряслась с ним.

На войне Трошук потерял зрение. Писатель ясно понимает, что перед его героем не может стоять вопрос так: нищенствовать или умереть. Это понимает и герой повести. Однако вопрос — как жить дальше? — не может его не волновать. Всякому человеку невыносимо тяжело расстаться с красками мира и привыкнуть к тем, что не видны и, может быть, никогда больше не увидишь родных лиц, родного города или села, дома, где вырос и жил... В нескольких эпизодах, с хорошей сдержанностью писатель показывает трагичность положения Григория Трошуча. Вот Григорий в черных очках слепого впервые после нескольких лет разлуки встречается с женой и сыном. «...Дмитрий бросился к отцу, несемло прикоснулся к его руке. А Трошук, должно быть, представляя сына таким, каким оставил, уходя из дома, вдруг наклонился, развода, как перед маленьким, руки. И неожиданно коснулся лбом головы Дмитрия. По живому лицу его пробежала невольность и растерянность — вырос сын!» Претставляет эту сцену и чувствуешь, какую душевную муку должен был пережить в эти минуты герой.

Трудно человеку, потерявшему зрение. Сможет ли он стать полноценным среди людей, будет ли нужен людям? Эта мысль не дает Трошучу покоя. Не надо упрощать: это не романтическое стремление осветить людям путь, выгнать из груди свое сердце; нет, это простое (Окончание на 3-й стр.)

Кто в наш рабочий век с трудом Тот и сейчас для нас не человек. Степан ШИПАЧЕВ

Превосходная мысль! Если труд сделал человека, то свободный труд делает его человеком коммунистического общества.

БЕЗ ТРУДА не может быть полноты жизни. Если бы Григорий Трошук, герой повести украинского писателя Л. Орловского «Сердце солдата» и не знал этого раньше, он понял бы это в той же, которая стряслась с ним.

На войне Трошук потерял зрение. Писатель ясно понимает, что перед его героем не может стоять вопрос так: нищенствовать или умереть. Это понимает и герой повести. Однако вопрос — как жить дальше? — не может его не волновать. Всякому человеку невыносимо тяжело расстаться с красками мира и привыкнуть к тем, что не видны и, может быть, никогда больше не увидишь родных лиц, родного города или села, дома, где вырос и жил... В нескольких эпизодах, с хорошей сдержанностью писатель показывает трагичность положения Григория Трошуча. Вот Григорий в черных очках слепого впервые после нескольких лет разлуки встречается с женой и сыном. «...Дмитрий бросился к отцу, несемло прикоснулся к его руке. А Трошук, должно быть, представляя сына таким, каким оставил, уходя из дома, вдруг наклонился, развода, как перед маленьким, руки. И неожиданно коснулся лбом головы Дмитрия. По живому лицу его пробежала невольность и растерянность — вырос сын!» Претставляет эту сцену и чувствуешь, какую душевную муку должен был пережить в эти минуты герой.

Трудно человеку, потерявшему зрение. Сможет ли он стать полноценным среди людей, будет ли нужен людям? Эта мысль не дает Трошучу покоя. Не надо упрощать: это не романтическое стремление осветить людям путь, выгнать из груди свое сердце; нет, это простое (Окончание на 3-й стр.)

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

ВСТРЕЧАЮТСЯ литераторы, которые с пеленом начинают хлопотать о собственном бессмертии. Они выработывают в себе высокомерное отношение к заботам современности, к «преодоления», и уходят в так называемые вечные темы, из которых, между прочим, предпочтительнее любовь — брак — развод. Потом оказывается, что они с первых же шагов разминувшись с бессмертием, но им легче. У них не болят глаза от постоянного напряжения, им не угрожают болезни сердца от чужих переживаний, они не знают бессонных ночей искателей, им неведомы тяготы непрерывных странствий. Такие писатели встречались во все времена. Бывает, что литературная позиция безразличия к современности есть не что иное, как своеобразное выражение политической позиции неприятия действительности. Но у большинства из тех, кто ищет «вечную тему» за пределами современности, больше позерства, чем убеждения, больше трусости перед сложностью жизни, чем мужества самоотречения.

Настоящий художник, когда он берется за вечную тему, умеет находить в ней то, что волнует современника. А когда пишет о насущных проблемах, то проникает и в общечеловеческое и вечное их значение. Таким художником принадлежал честь открытия важной жизненной истины: с тех пор, как началось строительство социализма, подлинно вечной стала тема свободного труда. Только если у других вечных тем позади века и вековые традиции, то у этой вся вечность впереди, и от художника она все еще требует подвига первооткрывателя.

Эта вечная тема прочно связывает искусство с важнейшими заботами современности. Вне труда у нас, в советском обществе, не может быть полноценной нравственной жизни. «Кто не работает, тот не ест» — это был суровый лозунг революции, лозунг открытой классово-борьбы. Кто не работает, тот не живет, — тот существует, а не живет, — это уже моральная норма нового общества, утверждающая красоту новых человеческих отношений.

И едва ли можно что-нибудь определенное сказать о характере моральных конфликтов в нашем обществе, если обойти одно из самых важных противоречий — противоречие между социальным и личным, между социальным и индивидуальным отношением к труду. Оно делает неизбежными прямые столкновения между открыто враждебными психологиями, как неизбежна война между теми, кто заявляет, что «жажда трудной работы нам ладони сечет», и теми, кто мечтает, «как бы сделать так, чтоб вся неделя в жизни получилась выходной». Но часто это противоречие принимает куда более сложные формы.

Известно, что в процессе строительства социализма нашим людям приходилось и приходится идти на ограничение личных потребностей ради общей, общенародной цели и интересов будущего, как ограничивать себя семья, когда строит дом. Тут рождалось и укреплялось то, что мы называем сочетанием интересов личных и общественных и что можно назвать также зародившем коммунистическом отношении к труду. Люди трудом создают богатства социалистической страны, и все имеют равные права на них, все одинаково богаты общественным богатством. Но из той части его, которая выделяется для удовлетворения насущных потребностей населения, каждый получает пропорционально лично вложенному труду. И здесь уже равенство невозможно. Невозможно потому, что есть труд квалифицированный и неквалифицированный, есть люди, зарабатывающие только на себя, и есть многочисленные, есть более сильные и менее сильные физически и т. д. Есть случаи, когда государство, чтобы в интересах общества улучшить дело в какой-нибудь отрасли народного хозяйства или привлечь рабочую силу к освоению нового района, идет на значительное повышение оплаты труда в этой отрасли или в этом районе. Наличие различия в материальном положении людей может питать и часто питает мелкобуржуазную психологию со многими ее последствиями, в том числе и с попытками обойти нарушающее правило социализма, согласно которому, чтобы лучше жить, надо больше и лучше работать. Случается и так, что даже на трудовые средства кое-кто пытается получить меншакские утехы, выделиться среди людей, то есть и отделяется от них.

Словом, много всяких противоречий жизни связано с проблемами трудовых отношений. Советское государство делает все для того, чтобы разрешить их в пользу социализма. А поскольку жизненные противоречия отражаются в психологии, в морали, в мыслях и чувствах людей, то есть в той сфере человеческой жизни, которая является областью интересов литературы и искусства, то понятно, что общество вправе рассчитывать на серьезную помощь со стороны своих художников. Ведь труд не только основа новых жизненных конфликтов, но и источник поэзии, источник красоты. Кому же, как не художникам, заботиться о том, чтобы из материальной необходимости он превращался в духовную потребность, в такую же потреб-

Н. ШАМОТА

ность, как потребность человека наслаждаться прекрасным, возвышенным, истинным!

Мы немало дискутировали о так называемом идеальном герою. Но ведь ничего нельзя сказать ни за, ни против «идеального героя», если мы не договоримся об общественных критериях оценки моральных качеств человека вообще. А сейчас рискованно говорить что-нибудь определенное о человеке, если не знаешь главного — его позиции в конфликте между социальным и мелкобуржуазным отношением к труду.

Если социальным «идеальным герою» называют скематичные подвиги подполжителя героя, литературную спекуляцию на интересе читателей к людям, достойным подражания, то это понятие имеет безоговорочно отрицательный смысл. Но если ироническими кавычками берется под сомнение наличие в жизни людей, достойных подражания, или же отрицается эстетическая правомерность изображения таких людей или хотя бы первоестественное значение их в литературе, — тогда над этими словами следует хорошо подумать, раньше чем провозглашать анафему идеальному герою. Очевидно, что люди, живущие трудом, отдадут свои симпатии труженикам, изобретателям, настоящим, честным, и, напротив, лодыри и тунеядцы вызовут у них осуждение. Это естественно, ведь читатели осознают, что они работают не только для себя, но и для всех, — значит, и для нас, а другие стремятся жить за счет чужого труда, — значит, и за счет нашего труда. Ясно, что здесь проходит важный водораздел между положительным и отрицательным, между моральным и аморальным, между красотой и уродством.

Я не говорю, что нет других водоразделов. Хорошее, правильное отношение к труду не может оправдать таких уродств, как, например, моральная распушенность, хамское отношение к женщине, равнодушие к людям и т. п. Но человеку, который не любит и не хочет работать и ловит прибыль на чуждой счет, не добываясь в нашем обществе уважения, какими бы достоинствами он ни обладал в других областях жизни. Природа! Человек — твое творенье. И человек предка сделал труд. Труд... Есть ли у тебя иерархия и крылатей! Покорны людям горы, ярость река.

У ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

ЕРЕВАН. (Наш спецкорр.) Здесь состоялся расширенный пленум правления Союза писателей Армении. Доклад на тему «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза и некоторые вопросы развития армянской советской литературы» сделал первый секретарь правления Э. Топчан. Пленум рассмотрел армянские пленумы, в которых приняли участие 24 человека, в том числе Н. Зарян, Ш. Ташиян, А. Наринян, С. Агабян, Г. Севунц, Г. Тер-Григорян, А. Грашич, В. Ташиян, Р. Оганнисян, Г. Змин, Г. Тагларян и другие. С большой речью выступил второй секретарь ЦК Коммунистической партии Армении Г. Х. Маргарян. Отчет о пленуме будет опубликован в одной из ближайших номеров «Литературной газеты».

ЖУРНАЛЫ В ИЮЛЕ

«ОКТАБРЬ» Седьмой номер журнала «Октябрь» открывается повестью Г. Лебедева «Под одной крышей», посвященной жизни современной эстонской деревни. Заканчивается публикация романа Г. Николаевой «Битва в пути».

В поэтическом отделе журнала читатель встретит стихи В. Корнилова, И. Рядченко, В. Британского, отрывок из неопубликованной поэмы П. Орешина «Чапаев», написанной в 1936 году.

«Марксизм и современные ревизионисты» — так называется публицистическая статья И. Дворкина. Очерк М. Черкасова «Половодье» посвящается теме колхозной деваги.

Под рубрикой «Новое в науке и технике» материалы: «Пути управления термодинамическими реакциями» академика Л. Арцимовича, «Фотонная ракета» И. Кедрова, «Алмазы Якутии» А. Букова и «Второе рождение вирусных частиц» М. Гольдина.

Редакция вводит новый раздел — «Из опыта советской литературы». Здесь печатается статья А. Волкова, посвященная повести А. М. Горького «Дело Артамоновых».

В отделе «Литературная критика» статьи: «Скупая полнота» И. Коалова, направленная против серости и безликости художественных образов, и «Поступь истории» В. Турбина, в которой рассматривается творчество Ванды Василевской.

В номере напечатан ряд рецензий на новые книги.

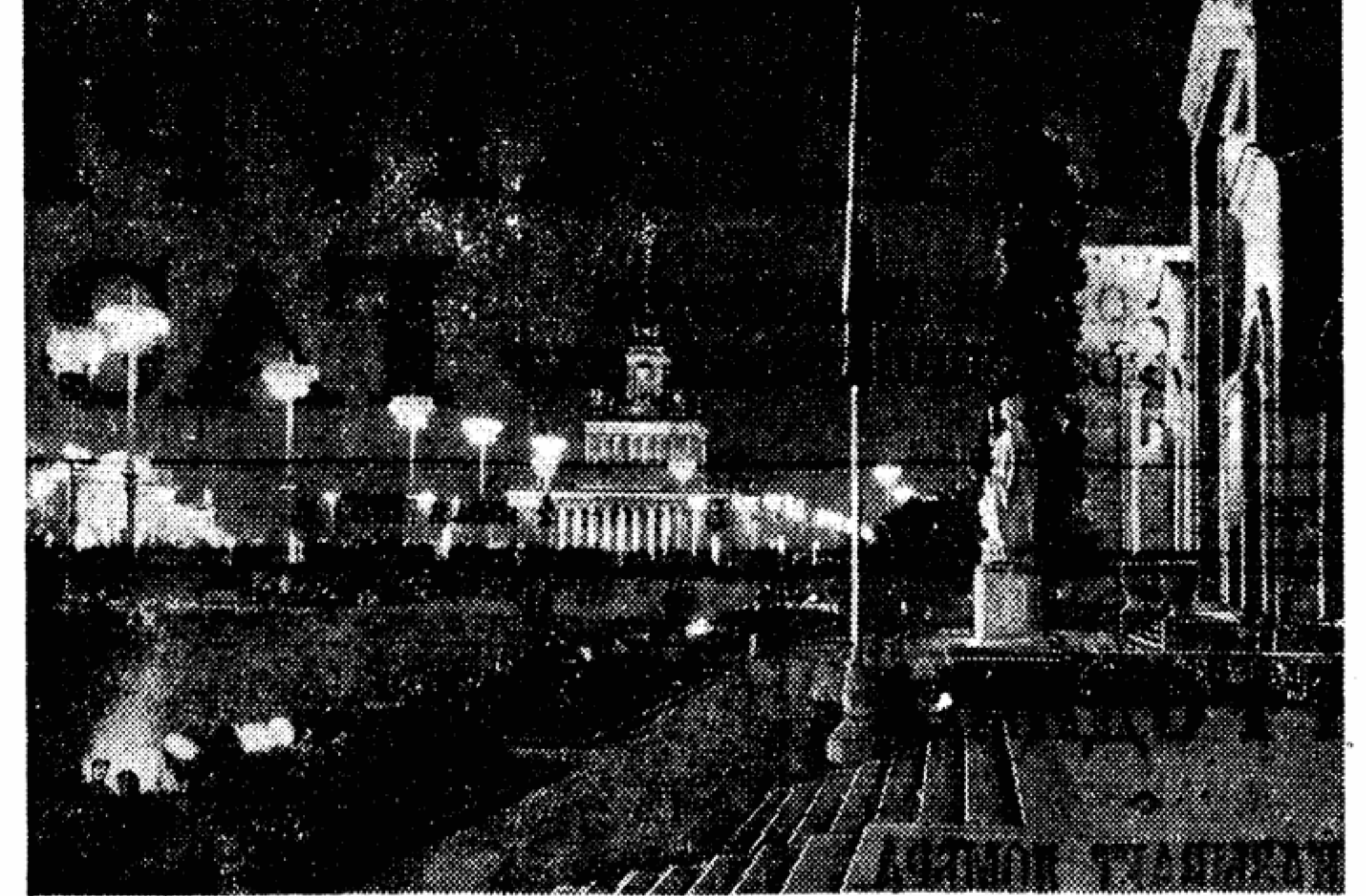
Июльская книга, выходящая в канун Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в большей своей части посвящена этому событию. В числе материалов — статья В. Соколова, обращенная к участникам праздника молодости, статья Л. Успенского «На всех языках — одно», большая стихотворная подборка из произведений поэтов разных стран мира.

Среди прозаических произведений — повесть польского писателя И. Неверли «Паренек из Сальских степей», «Целина» — первый рассказ молодого автора, члена литературного объединения при газете «Московский комсомолец» Б. Анащенко и «История одного рассказа» Н. Емельяновой.

Сороковую годовщину Советской власти журнал отмечает материалами: «Молодой Ленин» (по воспоминаниям современников и документам эпохи), воспоминаниями телефонисток кремлевского коммутатора А. Рудневой и Е. Лавровой, И. Смирнова о первом суботнике и рассказом Б. Леонидова о Котловском.

Продолжая популяризацию произведений советского искусства, журнал печатает цикл фотографий скульптурных работ С. Коленкова, сопровождающих их статьи Б. Полеваго «Народный выталь», и серию цветных репродукций работ молодых художников Москвы.

В журнале печатаются: статья А. Гурвича «Жизнь без будней» — о Павле Корчагине, заметки К. Рудницкого — о минувшем театральном сезоне, короткие рассказы А. Бьюркова «Картины старой Москвы» и другие материалы.

Сегодня исполнился месяц работы Всесоюзной сельскохозяйственной и Всесоюзной промышленной выставок. И хотя выставки работают не первый год, здесь по-прежнему многолюдно. Тысячи экскурсантов приезжают ежедневно со всех концов страны, много москвичей приходит посмотреть, что нового показывают труженики полей и промышленности в этом году.

А нового посетителям выставки видят много. Теперь здесь уже свыше 300 павильонов, различных сооружений, в которых размещены экспонаты — новые машины, новые хозяйства. Недавно здесь выступила с лекцией председатель колхоза имени Коминтерна, Тамбовской области, Е. Андреева, инициатор движения за увеличение производства мяса, молока и масла.

Многолюдно здесь и по вечерам, когда люди приходят в этот сверкающий город-сад просто отдохнуть. На территории выставки — десятки тысяч декоративных и плодовых деревьев, пятьдесят тысяч кустов роз, свыше полумиллиона многолетних и пять миллионов однолетних цветов. На снимке: вечер на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В центре — Главный павильон.

Фото В. Савостьянова и В. Мастонова

«ДРУЖБА НАРОДОВ» В июльской книге печатаются произведения украинской поэзии — стихи П. Тычины, А. Малышко, М. Бажана, поэма П. Дорошко «Вильский узник» в переводе В. Луговского. Со стихами выступает автор романов о Пушкине, один из старейших советских писателей И. Новиков. Он публикует десять стихотворений «Из дневника».

Большое место занимает в книге художественный репортаж «Лес богов», написанный известным литовским писателем В. Сругоа, бывшим знатоком тилте-ромского Штуггофского концертационного лагеря.

Продолжает печататься роман П. Бровки «Когда славятся реки». Публицистика представлена статьей председателя Совета Министров Казахской ССР Д. Кунаева, в которой он рассказывает об экономическом развитии республики и о том, какие большие возможности для дальнейшего развития Казахстана и его производственных сил заложены в перестройке управления промышленностью и строительством.

Т. Томберг публикует в журнале письма, дневники и рассказы людей, вновь обретших родину, тех, кто сейчас вернулся в Эстонию из Франции, Англии, Западной Германии, Канады и других стран.

К 40-летию Советского государства журнал публикует воспоминания Ф. Зайцева «От февраля к октябрю». В разделе «На темы культуры и искусства» А. Жубанов знакомит читателей с судьбой народного казахского композитора Курмангалия, доцент Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина И. Гранатов рассказывает о практике студенческого научного общества. Всеволод Азаров в разделе «Литературное наследство» пишет об известном эстонском поэте Юхане Сютисте.

Международный кинофестиваль

Пожалуй, очень мало осталось на земном шаре уголков, не запечатленных объективом киноаппарата, и очень немногие существуют люди, которые никогда не следили бы, затаив дыхание, за изображением на белом полотне экрана. Кино — искусство миллионов, и естественно, что на Всемирном фестивале молодежи и студентов не обойдется без демонстрации достижений киноискусства. В кинотеатрах столицы, на площадях, в парках и садах будут показываться кинофильмы, повествующие о радостях и горестях, волнениях и испытаниях самых разных людей и народов мира.

Уже утверждено Положение о международном кинофестивале, который ставит своей целью благоприятствовать ознакомлению с произведениями киноискусства, созданными в различных странах. Это положение открывает самые широкие возможности перед всеми, кто желает представить на фестиваль свои фильмы. Темы и жанры киноартистов могут быть самыми разнообразными, рассказывать о самых различных сторонах жизни народов, но, конечно, наибольший интерес вызовут фильмы, посвященные молодежи. При этом не имеет значения, представляют ли фильмы фирмы, киностудии, объединения или отдельные лица. Прибывшими на фестиваль молодежи и студентов в Москву. У всех у них будут равные права, равная возможность участвовать в конкурсе. Есть лишь одно ограничение: на фестиваль могут быть представлены фильмы, поставленные в течение последних двух лет, но для фильмов о молодежи и это ограничение снимается.

Молодым кинематографистам, а также творческим работникам, создавшим фильмы о молодежи, будут присуждаться специальные премии: золотые, серебряные, бронзовые медали за первый, второй, третий места и соответствующие дипломы. Кроме того, им будут вручены подарки.

Создатели профессиональных фильмов вне зависимости от их возраста премии будут присуждаться за художественные и документальные фильмы, рассказывающие о жизни молодежи. Молодым кинематографистам (до 35 лет) устанавливаются премии за фильмы всех видов и жанров. Премиями будут также отмечены лучшие молодые авторы любительских фильмов.

Участники фестиваля, не отмеченные премиями, но показавшие незаурядные способности, награждаются дипломами и подарками.

Создается широкопредставительная жюри фестиваля, состоящая из видных кинорежиссеров, искусствоведов и деятелей кино различных стран. Принять участие в его работе уже дали согласие такие известные деятели киноискусства, как итальянский сценарист и режиссер Чезаре Дзаваттини, египетская актриса Фатин Хамама, аргентинский режиссер дель Карриль, знаменитый советскому зрителю по фильму «Текут мутные воды», немецкий режиссер Эрих Энгель (ФРГ), основоположник искусствознания А. Брусила, польский кинорежиссер Ежи Телпек. В состав жюри войдут также представители народного Китая, Японии, Англии, Франции. Советских кинодеятелей представляет в жюри народный артист СССР И. Пырьев.

Уже ясно, что фестиваль привлечет большое внимание со стороны деятелей самых разных стран. По предварительным данным, на фестиваль должно быть представлено более ста художественных фильмов. Среди них японский фильм «Мрак среди дня», поставленный Тадаки Иман. Действие этого фильма происходит в маленькой деревне. Двое стариков, живших на накопленные сбережения, найдены мертвыми у себя в доме. По подозрению арестовано пять

молодых парней. Один из них действительно убит, остальные четверо ни в чем неповинны. Но полиция силой заставляя их взять на себя вину. Страшная картина судебного процесса, беззащитности простого человека в мире денег раскрывается в этом исполненном горечи и надежды произведении.

Интересный фильм по роману голландского писателя Пита Банкера «Циске-Крисса» поставил западногерманский режиссер Вольфганг Штаудте. В нем рассказывается история мальчугана, выросшего без любви и в конце концов убившего ненавистную ему мать. «Ребенку нужна любовь» — это название фильма ясно определяет мысль, которую вкладывают его создатели. Фильм Штаудте будет демонстрироваться на фестивале так же, как и полнометражный документальный фильм его соотечественника Ганса Эртля «Вперед и Пантито», рассказывающий об экспедиции Эртля и его дочери в дремучие леса Амазонки на поиски легендарного города инков.

На фестивале будут также показаны французские фильмы «Воскресшие друзья», рассказывающий о рабочей молодежи Франции, и «Встреча в Варшаве». «Встреча в Варшаве» поставила группа прогрессивных марсельских кинематографистов во главе с Полем Карпата, ранее уже отличившаяся картиной «Я родился в Берлине», посвященной Берлинскому фестивалю 1951 года. «Встреча в Варшаве» — это повесть о дружбе и любви, о долге и совести человека, преодолевающих любые соблазны, побеждающих ложь и подлость.

Среди фильмов, представленных на фестиваль молодыми кинематографистами Италии, будут показаны «Потерянные» режиссера Мовелли, рассказывающие о трагических коллизиях, пережитых молодежью Италии в дни фашизма, и веселая комедия «Девушки из Сан-Фреддиано», поставленная Ромей, а также фильм «Затерянный патруль» (режиссер Нелли), посвященный судьбам людей, участвующих в войне за независимость Италии. Имеются сведения о том, что ряд известных мастеров итальянского неореализма желает показать во время фестиваля некоторые свои кинопроизведения.

Прибудут на фестиваль фильмы из Швеции, Голландии, Индии, Англии, большое количество произведений покажут на фестивале киноорганизации стран народной демократии. Значительное место в программе фестиваля займут советские фильмы. Картины, сделанные в Москве, Кисеве, Тбилиси, Одессе, Алма-Ате, представляют многонациональное советское киноискусство. Среди них уже известные советскому зрителю «Нарывальная ночь», «Человек родился», «Весна на Заречной улице», «Девушка-джигит» и другие фильмы.

Москвичи, естественно, интересуются, как можно будет посмотреть все эти фильмы. Работа жюри фестиваля будет проходить в пяти кинозалах. Просматривая фильмы, международное жюри будет рекомендовать наиболее интересные из них для широкого просмотра. В 15 лучших кинолентах Москвы. А кинофильмы, получившие международные премии, будут широко демонстрироваться потом на экранах столицы — в закрытых помещениях, в парках, на площадях.

Международный кинофестиваль, несомненно, явится крупным художественным событием в жизни нашей столицы. Он даст возможность не только ознакомиться с лучшими произведениями мирового киноискусства, но и позволит установить личные контакты и дружественные связи между деятелями кино Советского Союза и многих стран мира. Искусство кино может и должно служить взаимопониманию между народами, делу мира и прогресса.

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ
Б. ГОРБАТОВА

29 июня в Москве, на Новодевичьем кладбище, был открыт памятник Б. Горбатову. У ног писателя собрались его ближайшие родственники, московские литераторы.

На митинге памяти Б. Горбатова выступили В. Галин, Е. Дельматовский, А. Исбах. Они тепло говорили о своем товарище, писателе и творчестве которого неразрывно были связаны с самым великим, с самым значительным, что происходило в жизни страны. Автор широко известных книг «Ванесса», «Непокоренная», «Обыкновенная Арктика», «Мое поколение» и других, он был ярким публицистом.

Произведения Б. Горбатова неоднократно издавались на многих языках народов СССР и зарубежных стран.

Недавно Государственное издательство художественной литературы выпустило пятитомное собрание его сочинений, куда вошли романы, повести, рассказы, публицистические статьи, дневники, письма и сценарии.

В Будапеште врага предостерегают и напугивают, чтобы предотвратить бесмысленное кровопролитие и спасти город от разрушения. Фашисты коварно убили Остапенко, и на месте его гибели был сооружен памятник.

Я не видел этого памятника, был лишь у его постаментов, почти довержу заваленного живыми цветами, возложенными жителями Будапешта.

Зайдя в дом у развалин дорог, где недавно стоял памятник, я обратился к его обитателям: может быть, они помнят, как погиб советский капитан?

Нет, тогда здесь не стояло еще этого дом. Известно только, что капитан от имени советского командования предложил немецкому генералу прекратить бессмысленное сопротивление. Генерал отказался, подставил Будапешт под огонь пушек и сам стал разрушать эту одну из красивейших европейских столиц.

Но жители дома у шоссе помнят, как осенью 1956 года фашистские промгромачки яростно сорвали статую капитана с постаментов, разбили ее.

В подвале капитана Остапенко проявился великий гуманизм Советской Армии. Мне навсегда запомнилось, как мой товарищ капитан Дятленко ходил парламентарием в окруженный Сталинград, и я, никогда не видя капитана Остапенко, представлял его себе молодым и русым. И уже ничего не мог поделать с собой, — волнение и боль стали выстраиваться в стихотворные строки. Я, вероятно, поспешил с написанием стихов. Но поиски фактов и подробностей могли только охладить стихи.

Гибель памятника парламентарю так же символична, как гибель самого героя. Я писал стихи о парламентаре, не зная даже его имени и отчества, и, мо-

жет быть, великодушный читатель простит меня за это. Получив письма, требовшие рассказать подробней об Остапенко, я растерялся. Но мне помогли боевые товарищи капитана, и я пользуюсь их рассказами, чтобы воссоздать подлинный образ героя. Их письма — живые документы боевой дружбы, свидетельства того, какие хорошие люди окружали славного героя.

Илья Афанасьевич Остапенко не был ни юным, ни русым. Вот что пишет его однопольщик С. Демон, проживавший теперь в Изобильном на Ставрополье:

«Капитан Остапенко не молод. У него уже была седая голова и большой жизненный опыт. В момент, когда он выполнял правительственное задание парламентария, он занимал должность старшего пропагандиста политотдела 316-й дивизии Краснознаменной Тимуровской стрелковой дивизии. Капитан Остапенко был среднего роста, плотный мужчина. В прошлом, насколько я помню, он преподавал немецкий язык в некоем высшем учебном заведении. У него была семья, были дети. Если мне память не изменяет, его сын сражался где-то на другом фронте.

Убит он был не на мостовой Буды, а в 200—300 метрах от западной окраины Буды, на шоссе, где проходила оборона немцев. Он шел и возвращался по этому шоссе. Убит он был, вероятно всего, из малокалиберной винтовки выстрелом в спину, потому что в этот момент (12 часов дня по московскому времени) не было никакой стрельбы ни с той, ни с другой стороны. Стояла жуткая тишина. Напарник капитана (фамилию я не помню) принес возвращенный пакет-ультиматум, а ночью наши разведчики доставили и тело капитана».

Товарищ Демон, бывший артиллерист, возмущенно пишет о коварстве врага, отвергнувшего ультиматум. Боевой друг парламентаря, он справедливо считает, что жизнь Остапенко должна послужить материалом для большой поэмы.

Говоря о герое, упавшем на мостовую Буды, я сделал ошибку, связанную с прошедшими годами: сейчас Буда возросла в западном направлении, и место гибели парламентаря находится теперь в городе.

А вот другой конверт: в нем два письма и фотокордаж. Они от супругов Борисовых, из Киева.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Разве это не замечательные люди?

За последние годы книжные полки читателей пополнились воспоминаниями старших большевиков, участников гражданской войны, мемуарами рабочих и ученых. Все это радует, обогащая наше представление о героическом пути, пройденном народами Советской страны.

Но мне кажется, наши издательства, в частности «Молодая гвардия», могли бы сделать гораздо больше. Почему у нас до сих пор в серии «Жизнь замечательных людей» нет книг о выдающихся советских инженерах, прославившихся изобретателях, творцах новой техники, замечательных наших строителях?

Кто из нас не восхищался Днепротэсом? Но мы почти ничего не знаем об авторе проекта этой стройки — академике И. Г. Александрове; об академике Б. Е. Венедееве, который работал на Волхове, а потом был главным инженером Днепростроя. К сожалению, нет мемуаров академика А. В. Винтера, прославившегося гидростроителем нашей страны.

Мы гордимся первым советским гидроэнергетиком — Волховской гидроэлектростанцией, которая уже больше тридцати лет дает ток. Но что мы знаем о академике Г. О. Графтио, да и то в юбилейные дни. А ведь жизнь этого прославленного строителя-новатора полна романтики, подвига, творческого вдохновения. Школу Волхова прошли десятки людей — академики, видных ученых, выдающихся последователей строителя. Давно пора издать в серии «Жизнь замечательных людей» книги об академике И. Г. Александрове, Б. Е. Венедееве, Г. О. Графтио, о той «могучей кулке» инженеров, которая разрабатывала ленинский

план ГОЭЛРО, а затем его осуществляла.

Недавно страна хоронила академика С. Я. Жука. Его биография — поучительный пример инженера-новатора, ученого и практика-строителя, с чьим именем непосредственно связаны десятки крупных гидротехнических сооружений.

Почему невозможно достать изданные на Украине мемуары известного ученого Е. О. Патона?

Книги о деятелях далекого прошлого в серии «Жизнь замечательных людей» нужны и полезны, но, право же, замечательные люди нашей социалистической эпохи имеют не меньше права на то, чтобы являться в этой серии свое почетное место. Опыт прошлого должен обогащать будущее, и этим прекрасным опытом мы должны вооружить нашу молодежь, вступающую в жизнь.

В. ТАРАСОВ
ВЛАДИВОСТОК

Веселый учебник тригонометрии

Многим советским читателям хорошо известно имя английского писателя Артура Конан Дойла. Знание дела и многосторонний ум автор сумел воплотить в образе своего героя — Шерлока Холмса, который раскрывает самые запутанные преступления, проявляя при этом чудеса наблюдательности.

Однако это не дает оснований делать вывод, что автор рассказов «Приключения Шерлока Холмса» и исторических повестей, наряду с литературным творчеством, внес свой вклад и в математику.

Как ни странно, имя его мне пришлось встретить в учебнике «Курс тригонометрии для техникумов» (Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1956 г.).

Положением Шерлока Холмса отведена десятая часть учебника. Раздел «Тригонометрические функции острого угла» на 48-й странице заканчивается задачей № 130, в которой требуется «определить расстояние от ледокола до разыскиваемого объекта», и продолжается, начиная с 49-й страницы, следствием по делу загадочного убийства Чарльза Мак-Карти.

Это озадачило меня, и я не сразу понял, в чем дело. Решив задачу № 130, я с интересом прочел отрывок из повести Конан Дойла. Загадочное убийство Мак-Карти, как всегда, было успешно разгадано Шерлоком Холмсом. Впрочем, мне показалось, что, поскольку учебник, надо было бы предоставить решение этой задачи учащимся.

Переход художественной прозы в тригонометрию весьма удачен: вслед за рассказом об убийстве Мак-Карти идет отрывок из «Скардала в Богемии», который, можно сказать, органически выливается в вывод раздела «Значения тригонометрических функций». Дословно это выглядит так: «Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой» отрезок, равный 3/4, радиуса единичной окружности...»

Осталось разгадать последнюю загадку: что же случилось со злополучным учебником? Для этого не требуется сложных расследований и опыта Шерлока Холмса. Нетрудно догадаться, что это всего-навсего типографский брак, который произошел во время работником 4-й типографии имени Евг. Соколовой при брошюровке книги.

В заключение хочется сказать, что подобные явления, к сожалению, встречаются в полиграфической промышленности, вносят досадное разнообразие в технико-теоретическую и художественную литературу.

В. ТРУСКАЛОВ
Воронежская обл.

По следам неопубликованных писем

Читатель И. Авдеев (Шалинский район, Свердловской области) сообщил редакции, что промышленные предприятия, расположенные вблизи реки Чусовой, загрязняют ее сточными водами, в результате чего река вода совершенно не пригодна к употреблению, гибнет рыба.

Письмо И. Авдеева редакция направила в исполком Свердловского областного Совета депутатов трудящихся. Главный санитарный врач Свердловской областной санитарно-эпидемиологической станции В. Выкова сообщила редакцию, что указанные в письме И. Авдеева факты соответствуют действительности. В последнее время, пишет В. Выкова, проводится ряд мероприятий, которые позволят значительно оздоровить реку Чусовую. Так, на Хроминском заводе построены первый и третий водооборотные циклы, благодаря чему сброс в реку вод с примесями хрома снижен в несколько раз. В конце 1957 года будет введен в эксплуатацию второй водооборотный цикл; это полностью прекратит сброс сточных вод Хроминского завода в Чусовую. На Ново-Трубином заводе сооружена вакуум-кристаллизационная камера для травильных стоков и нейтрализационная камера для промывных сточных вод. Ведется проектирование очистных сооружений для фенольных стоков; строительство их начнется в этом году. Строит очистные сооружения и другие предприятия области. В 1956 году на эти цели было израсходовано свыше 8 миллионов рублей, в 1957 году ассигнования увеличены более чем вдвое.

Читатель «Литературной газеты» С. Бовина сообщил редакцию, что на озере Неро (Ростовский район, Ярославской области) производится массовый браконьерский лов рыбы; правление рыболовецкого колхоза имени Микояна заключает договоры на вылов рыбы с частными лицами, допуская прямое попустительское браконьерство, так как рыбаки-частники ведут лов незлоупотребляемыми способами, применяя сети с уменьшенными ячейками, в результате чего гибнет рыба и молодь. Районная инспекция рыболовства и органы милиции решительной борьбы с браконьерами не ведут.

Заместитель главного государственного инспектора Рослагосрыбхоза Ф. Михайлов ответил, что сообщенные С. Бовиным факты в основном подтвердились. Инспекторы рыбоохраны Ростовского района Т. Гулакову за слабую борьбу с браконьерским ловом рыбы на озере Неро объявлен выговор. Правлению рыболовецкого колхоза имени Микояна указано на неправильность заключения договоров по вылову и сдаче рыбы государству с рыбаками-частниками.

Поставленные в письме С. Бовина вопросы упорядочения лова рыбы на озере Неро были рассмотрены Ростовским райкомом КПСС; приняты решения о действенной помощи инспекторам рыбоохраны со стороны милиции, общества охотников, о строгом соблюдении установленных запретов вылова рыбы в период нереста.

Илья Остапенко, парламентар

Наше быстрое время превращает имена и подвиги героев в легенды. Рождение легенды и утверждение ее в народном сознании совершаются куда в более короткие сроки, чем в прежние времена.

И порой преворонено действительно происшедших событий и фактов в легендарные содеявшие литература и наша торопливая поэзия, не считается с тем, что современник и живой свидетель требуют точности подробностей и ревниво относятся к деталям, для легенды уже несущественным.

Опубликована «Литературная газета» 9 мая стихотворение «Парламентар в Будапеште». Я получил много писем от читателей. Они просили сообщить дополнительные факты о жизни капитана Остапенко, помешавшего 29 декабря 1944 года в стан окруженного

в Будапеште врага предостерегают и напугивают, чтобы предотвратить бесмысленное кровопролитие и спасти город от разрушения. Фашисты коварно убили Остапенко, и на месте его гибели был сооружен памятник.

Я не видел этого памятника, был лишь у его постаментов, почти довержу заваленного живыми цветами, возложенными жителями Будапешта.

Зайдя в дом у развалин дорог, где недавно стоял памятник, я обратился к его обитателям: может быть, они помнят, как погиб советский капитан?

Нет, тогда здесь не стояло еще этого дом. Известно только, что капитан от имени советского командования предложил немецкому генералу прекратить бессмысленное сопротивление. Генерал отказался, подставил Будапешт под огонь пушек и сам стал разрушать эту одну из красивейших европейских столиц.

Но жители дома у шоссе помнят, как осенью 1956 года фашистские промгромачки яростно сорвали статую капитана с постаментов, разбили ее.

В подвале капитана Остапенко проявился великий гуманизм Советской Армии. Мне навсегда запомнилось, как мой товарищ капитан Дятленко ходил парламентарием в окруженный Сталинград, и я, никогда не видя капитана Остапенко, представлял его себе молодым и русым. И уже ничего не мог поделать с собой, — волнение и боль стали выстраиваться в стихотворные строки. Я, вероятно, поспешил с написанием стихов. Но поиски фактов и подробностей могли только охладить стихи.

Гибель памятника парламентарю так же символична, как гибель самого героя. Я писал стихи о парламентаре, не зная даже его имени и отчества, и, мо-

жет быть, великодушный читатель простит меня за это. Получив письма, требовшие рассказать подробней об Остапенко, я растерялся. Но мне помогли боевые товарищи капитана, и я пользуюсь их рассказами, чтобы воссоздать подлинный образ героя. Их письма — живые документы боевой дружбы, свидетельства того, какие хорошие люди окружали славного героя.

Илья Афанасьевич Остапенко не был ни юным, ни русым. Вот что пишет его однопольщик С. Демон, проживавший теперь в Изобильном на Ставрополье:

«Капитан Остапенко не молод. У него уже была седая голова и большой жизненный опыт. В момент, когда он выполнял правительственное задание парламентаря, он занимал должность старшего пропагандиста политотдела 316-й дивизии Краснознаменной Тимуровской стрелковой дивизии. Капитан Остапенко был среднего роста, плотный мужчина. В прошлом, насколько я помню, он преподавал немецкий язык в некоем высшем учебном заведении. У него была семья, были дети. Если мне память не изменяет, его сын сражался где-то на другом фронте.

Убит он был не на мостовой Буды, а в 200—300 метрах от западной окраины Буды, на шоссе, где проходила оборона немцев. Он шел и возвращался по этому шоссе. Убит он был, вероятно всего, из малокалиберной винтовки выстрелом в спину, потому что в этот момент (12 часов дня по московскому времени) не было никакой стрельбы ни с той, ни с другой стороны. Стояла жуткая тишина. Напарник капитана (фамилию я не помню) принес возвращенный пакет-ультиматум, а ночью наши разведчики доставили и тело капитана».

Товарищ Демон, бывший артиллерист, возмущенно пишет о коварстве врага, отвергнувшего ультиматум. Боевой друг парламентаря, он справедливо считает, что жизнь Остапенко должна послужить материалом для большой поэмы.

Говоря о герое, упавшем на мостовую Буды, я сделал ошибку, связанную с прошедшими годами: сейчас Буда возросла в западном направлении, и место гибели парламентаря находится теперь в городе.

А вот другой конверт: в нем два письма и фотокордаж. Они от супругов Борисовых, из Киева.

ми, мы увидели за столом девять немецких офицеров.

Капитан Остапенко вручил пакет с ультиматумом. Пакет был принят и тут же направлен в начальную осажденную гарнизона Будапешта. Во время ожидания состояние у всех нас было возбужденное, мы сознавали, что находимся в стане коварного врага. Капитан Остапенко молча сидел на снайке. Возвратился курьер, который вручил капитану отказ начальника гарнизона принять ультиматум.

После этого нам вновь завязали белыми повязками глаза и повели к линии фронта, где повязки были сняты. Мы прошли линию немецких окопов, уже вступили в расположение своих частей, когда вдруг впереди нас в 3—5 метрах разорвалась вражеская мина, сразившая капитана Остапенко осколком в лоб.

Старшина был тоже ранен, но ему удалось ползком по ковету возвратиться в расположение своих частей и рассказать о случившемся. Вечером тело капитана Остапенко было доставлено в расположение наших частей. Состоялись торжественные похороны.

В рассказе, приведенных товарищами Демонным и Борисовым, есть некоторые неточности, связанные с описанием гибели капитана Остапенко. Но разве в них дело! Бережно хранят однопольщике память о своем друге-герое.

Супруги Борисовы прислали фотокордаж из своего семейного альбома для опубликования в газете. Крайний слева на ней — Илья Афанасьевич Остапенко, Борисовы снимались с Остапенко в Черновицах в октябре 1944 года. Когда после гибели капитана Борисовы показали эту фотографию начальнику политотдела полковнику Шведову, он порекомендовал им найти дочь героя; она находилась в одном из детских домов Москвы. После победы надо разыскать ее и вручить фотокордаж.

Борисовым не удалось найти дочь Остапенко.

«Теперь у нас появилась надежда выполнить этот гражданский долг. Может быть, вам удастся вручить эту фотографию по назначению!» — пишут они мне.

Письмо из Московского государственного библиотечного института от Т. Везировой и Пономаревой помогло мне обнаружить след дочери капитана.

Валентина Остапенко родилась в 1934 году в городе Белоречье. Во время войны жила Илья Афанасьевич Остапенко умерла, девочка была определена в детский дом, а затем в Молотовской области, затем в Москве и под Москвой. Она вступила в комсомол, закончила десятилетку, а в 1956 году завершила учебу в библиотечном институте и уехала в Москву и место службы своего мужа, офицера Николая Барнова, принявшего при регистрации брака фамилию Остапенко.

К сожалению, адреса молодой семьи Остапенко я не сумел найти, но надеюсь, что фотография, которую мы сфотографируем, попадет к ним. О сыне Илья Афанасьевича пока никаких сведений мне не удалось найти.

И еще несколько слов об одном письме, связанном с подвигом парламентаря. Журналист Виктор Малафеев из г. Горького пишет, что памятник капитану Остапенко был назван по проекту не венгерского, как это написано в моем стихотворении, а советского скульптора. Этот скульптор — советский офицер Константин Васильев. Его проект памятника был признан лучшим на конкурсе, объявленном Будапештским магистратом.

Тов. Малафеев ошибся. Памятник по проекту советского скульптора офицера Васильева, действительно, был воздвигнут в Будапеште. Но это памятник не Остапенко, а другому парламентарю, в те же последние дни 1944 года на другом участке фронта ходившему с ультиматумом в стан врага и гибшему при выполнении своей миссии Яира.

Фамилия этого парламентаря была Штеймер, он был венгером, патриотом своей родины, сражавшимся с фашистами в рядах Советской Армии.

Итак, советский скульптор ивалей памятник парламентарю-венгру, отдавшему жизнь за свободу своей родины, а памятник капитану Остапенко был создан венгерским скульптором.

Когда я был в Будапеште, мне говорили, что разрушенные фашистскими матежниками в 1956 году памятники героям-парламентарям будут вскоре восстановлены.

Слава о героях — советских воинах переживет века.

На снимке (слева направо): капитан И. Остапенко и его боевые товарищи капитан А. Фомина (ныне А. Борисова) и капитан П. Борисов.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Этой книге только десять лет. Написал ее мой друг, поэт и прозаик. Много слов хороших разных в ней. Но от слов тех сердце не теплей. Отзвучала критиков хвала. Живь поэт, а книга умерла. —

Говорит в стихотворении В. Шефнера «Размышление». Да, бывает и так. Но читая приведенные строки, думаешь и о том, как подчас наша критика не замечает по-настоящему хороших стихов.

Я держу в руках последнюю книжку стихов В. Шефнера. Стихотворение «Старый журавль». В нем рассказывается о дряхлой птице, оставшей от своей стаи, но все же стремящейся за ней:
Зачем ты торопишься, бедная птица? Тебе молодых не догнать, — Они возвращаются жить и плодиться. А ты к нам лететь умираешь! Усталый, ты нынче же, вечером синим, Падешь у гнезда своего... Но, видно, страшнее, чем смерть на чужбине, На свете уж нет ничего.

Я читаю это своему товарищу, очень культурному инженеру, который с крайней настроенностью относится к современной поэзии, считая, что в ней редко попадаются большие и смелые мысли. — О, это здорово, — говорит он, — Кто написал? Не современный ли автор? Не отвечая на его вопрос, читаю еще одно стихотворение — «Гордыня»:

Над пустою нависа криво, Внестись корнями в трещины камней, Стоит роса у самого обрыва, Не зная, что стоять недалеко ей. Ее давно держат усталы корни, Не знаящие отдыха и сна; Но с каждым годом круче и упорней Вверх — нависок — все тянется она.

Уже и зверь гордыня стонит, Идет в обход, смертельный чуха страх, Уже предостережительные птицы Покинули гнездо в ее ветках. Стоит она, бедя не понимая, На сумрачной, обветренной скале... Ей чудится — она одна прямая, А вас иных — криво на земле.

Я продолжаю читать первые попавшиеся стихи из этой книжки: «Змея», «Лесной поляр», «Самшит» и многие другие. Моему приятелю теперь уже ясно, что автор — его современник, даже может быть, ровесник, дышит с ним одним воздухом, ходит рядом, покупает билет у одного и того же кондуктора трамвая. И незнакомы они лишь потому, что издательские тиражи мизерны, а центральные, «толстые» журналы, открывая новые имена, часто забывают уже открытые.

Много говорится в последние годы об остроте и смелости темы. Вот, скажем, борьба с бюрократизмом. Бюрократизм, действительно, немало зло в нашей жизни. И с ним надо беспощадно бороться. Но бороться уметь. Запустить булыжником в его стекла, чтобы они со звоном посыпались, или вымазать ворота дегтем — это ли смелость? Настоящая смелость никогда не выдвигается, не кричит о самой себе. Видеть, что все наша классика, в которой нет дежурной, «модной» смелости.

В Шефнера хорошо помнит своих литературных отцов, старается не разрушить найденное ими, а продолжать... В смелости, высокой смелости с большой буквы ему не откажешь. Вот стихотворение «Надолобы». Автор повествует в нем о том, как на одном участке обороны не хватило материала для надолоб. И тогда наши солдаты свезли с близлежащего кладбища могильные плиты, каменные колонны памятников с именами

Вадим Шефнер. Стихи. «Советский писатель», Ленинград, 1956.

СОВЕЩАНИЕ КРИТИКОВ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

В редакции «Литературной газеты» состоялось совещание критиков и литературоведов, посвященное обсуждению проблем литературной критики в свете решений III пленума правления Союза писателей СССР. Выступили на совещании Б. Вайсман, З. Кларин, И. Григорьев, В. Явлин, Б. Соловьев, М. Зелькин, В. Друзин и другие. Они говорили о том, что в настоящее время критика должна быть не только оценочной, но и творческой, помогающей писателю в его творчестве. Решения пленума, по общему мнению, придали нашей литературной критике и литературоведению новые силы для более активной и углубленной работы над проблемами современной литературы и искусства.

Внимание на совещании было уделено также вопросам издания, произведениям писателей, появившимся в нынешний знаменательный год — юбилейный Октябрь. Творчески осмыслить все плоды, созданные советской литературой за четверть столетия, создать его законченную и новаторскую сущность — важнейшая задача критики.

На выступлении был посвящен состоянию литературного процесса в республиках и областях страны, литературно-художественным журналам, а также работе «Литературной газеты».

ЖУРНАЛЫ В ИЮЛЕ

«НОВЫЙ МИР». Журнал под редакцией А. Сорокина «На сороковом году печатает очерк А. Злобина «Совнархоз приступил к работе». В подборке «Слово к молодежи», посвященной Всемирному фестивалю молодежи, выступают ученые, писатели, деятели искусства: Г. Кржижановский, К. Юон, Г. Уланова, израильский писатель Шерон О'Кейси, английский ученый Дж. Вернал, болгарский писатель Л. Стоянов и другие. Теме фестиваля и молодежи посвящены стихи А. Маркова, греческого поэта А. Парниса, поэма румынского поэта Г. Майореску. В книге напечатан также цикл стихотворений Б. Слуцкого.

Проза представлена рассказами Н. Тихонова, новой повестью А. Былинкова «Рота уходит с песней», окончанием романа С. Снегова «В полярной ночи».

В номере напечатана подборка воспоминаний М. Ланса — «Июльские дни в Петрограде», П. Зайцева — «В Кронштадте» и Н. Раппопорта — «На VI съезде». В разделе «Дневники. Воспоминания. Документы» даны материалы из истории Военно-революционного комитета.

В «Грибные писатели» — статья Ю. Либединского о Серго Орджоникидзе.

«НЕВА»

В июльском номере «Невы» — окончание повести В. Кукушкина «Интерская окраина», киноповести С. Ворониной «Всего дороже», рассказы Н. Вагнера «Васек», В. Белыева «Отец и сын», путевые заметки Е. Катериной «Восьмью морей и один океан», подборка «Сказки и рассказы для больших и маленьких».

В разделе поэзии — стихи молодых авторов А. Яльмарова, В. Ковалева, В. Сажженко, И. Михайлова и произведения поэтов Чечено-Ингушской АССР М. Мамакаева, А. Веджишева и Д. Яндиева.

Раздел «У нас на юге» представлен очерком Л. Обухова «Большой кабо-

и датами рождений и смертей. Они и послужили заглавием... Они теперь не памятники смерти. А памятники стойкости и славы... Очень смелый, я бы сказал, даже дерзкий замысел.

Мы нередко «головные» стихи принимаем за умные. На мой взгляд, «головные» и умные — это не одно и то же. В первом случае автор заранее размечает, как пойдет движение сюжета, какие мысли надо провести, а затем уже нарисует «эпическую мякоть». В этом случае редки удачи, шила в мешке не утаишь, все-таки схема прощупывается. Умные стихи всегда идут от сердца, но сердца, я бы сказал, мыслящего. О таких-то произведениях мы обычно и говорим, как о гармонии чувства и мысли. В Шефнер — поэт умный, но «головной». Вычитается в стихотворении «На поляне», в эти мудрые, философские строки о том, как часто разрушение бывает заметнее для глаза, чем созидание.

Ведь бывает: чуждо бездумья следы Людям кажутся ярые порою, Чем их честной и трудной работы плоды. Чем цветные природы Чужды чужой.

Как это правильно подмечено поэтом! Нином образом взрослого читателя не может взволновать бездумная, примитивная по мысли поэзия, в какие бы роскошные рифмы и ловкие ассонансы ни рьялись ей. В каждом стихотворении Шефнера присутствует хорошее, светлое раздумье.

В новой книге Вадима Шефнера, конечно же, есть недостатки. На мой взгляд, они страдают военные и некоторые другие стихи, которые автор писал по горячим следам, не успевая осмыслить события. Но лучшее у поэта забывать нельзя!

Алексей МАРКОВ

Книги к 40-летию Великого Октября

Алиев Г. Успехи развития экономики и культуры Таджикистана ССР (к 40-летию Великого Октября). М.: Советский писатель, 1957. 32 стр. Цена 60 коп.

Буаев Д. Рабочие-революционеры смоленского Смоленского книжного издательства. 102 стр. Цена 2 руб. 40 коп.

Данилин. Сборник воспоминаний участников октябрьских боев 1917 г. в Москве и документах. «Московский рабочий», 192 стр. Цена 2 руб. 10 коп.

Диренко Е. Большевики Гомельщины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Минск, 63 стр. Цена 1 руб.

Дорошин К., Бульчин П. Ф. Аннонсы. Государственное издательство Нарвельской ОРС, 46 стр. Цена 50 коп.

Елеузов Т. Установление Советской власти в Казахстане. Алматы. Издательство Академии наук Казахской ССР, 118 стр. Цена 6 руб. 85 коп.

Куряев В. Октябрь в Пензе. 2-е издание. Пензенское книжное издательство, 78 стр. Цена 85 коп.

В дни празднования 250-летия Ленинграда на площади Искусств, одной из Красивейших в городе, торжественно открыт памятник и портрет великого русского поэта, выполненный в мастерской скульптора П. Пучкина. Фото В. Дроздова.

Здравствуй, Пушкин!

Пушкин! Через времена громаду С поднятою гордо головой Ты шагнул навстречу Ленинграду, Радостный, поистине живой.

Нас всегда стремителен и молод, С нами ты — наперекор судьбе! А вокруг — неповторимый город. До чего же он к лицу тебе!

Своего волея не ослабля, Как на праздник, мы пришли сюда, Чтоб сказать от имени России: Здравствуй, Пушкин, здравствуй навсегда!

Л. ХАУСТОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Омское областное литературное объединение готовится к сорокалетию Октября. Объявлен конкурс на лучший рассказ, очерк, пьесу, стихотворение, посвященные великой дате. В июле откроется выставка «Писатели Омска за сорок лет». Составляется сборник «Литературный Омск», в котором писатели расскажут о становлении в области Советской власти, об изменениях, происшедших в Сибири за сорок лет.

Под таким заголовком на русском и татарском языках вышел сборник стихов начинающих поэтов города Елабуги Татарской АССР. В нем приняла участие группа самых разных возрастов и профессий: бухгалтер С. Абрамов, рабочий Г. Маев, сельский учитель М. Бурдин, студентка З. Загидулина и другие. Сборник подготовлен силами работников педагогического института и редакции газеты «Вперед» («Алга»).

В Ростове состоялось ежегодное совещание работников Северо-Кавказской железной дороги. На нем работники железнодорожники встретились с большой группой писателей Дона. Писатели рассказали о своих творческих планах и познакомились с открытиями из новых работ.

В Петрозаводске состоялся организационный Съезд писателей Союза писателей. В книжных магазинах города было представлено более двадцати сборников местных поэтов. Состоялись встречи поэтов с читателями.

Исполнилось 50 лет со дня рождения лаковского писателя — драматурга Минкалепа Дагеста. Президиум Верховного Совета Дагестанской АССР наградила М. Алиева Почетной грамотой. В селе Ингуш Кумух Лаковского района, Дагестанской АССР, состоялось чествование юбиляра.

В Петрозаводске состоялся организационный Съезд писателей Союза писателей. В книжных магазинах города было представлено более двадцати сборников местных поэтов. Состоялись встречи поэтов с читателями.

Исполнилось 50 лет со дня рождения лаковского писателя — драматурга Минкалепа Дагеста. Президиум Верховного Совета Дагестанской АССР наградила М. Алиева Почетной грамотой. В селе Ингуш Кумух Лаковского района, Дагестанской АССР, состоялось чествование юбиляра.

В Петрозаводске состоялся организационный Съезд писателей Союза писателей. В книжных магазинах города было представлено более двадцати сборников местных поэтов. Состоялись встречи поэтов с читателями.

Исполнилось 50 лет со дня рождения лаковского писателя — драматурга Минкалепа Дагеста. Президиум Верховного Совета Дагестанской АССР наградила М. Алиева Почетной грамотой. В селе Ингуш Кумух Лаковского района, Дагестанской АССР, состоялось чествование юбиляра.

ЧЕЛОВЕК В ТРУДЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Человеческое желание чувствовать себя, как люди, быть им таким же нужным, как нужны они тебе. «Июнга», — пишет П. Оровецкий. — Григорий среди дня ходил к колхозной конторе. Но там он чувствовал себя еще хуже. Все было занято своим делом, только он от него делать сил на скамейке около всякого телефона, лишней, никому не нужной. Иногда вмешается в чужой разговор — ему не отвечают, словно бы и не услышали и не заметили. Григорий, вероятно, преувеличивает. — земляки очень его уважали. Но человека в его положении может больно ранить и простая невнимательность. По всему этому Григорий чувствует, что в колхозе дела идут плохо, председатель правления боится, не может за всем проследить, стал плохо обращаться с людьми. Чувство коллективиста не позволяло мириться с этим, и оттого вынужденное безделье казалось еще невыносимее. Бывали минуты, когда ему приходила мысль, что лучше бы погибнуть на войне, чем возвратиться калекой.

Но вот колхозники избирают Троцука заместителем председателя колхоза. И писатель шаг за шагом показывает, как возвращается к герою душевный покой, вера в свои силы. Он показывает умелую и самоотверженную работу Троцука и поютую радость, которую испытывают лишь те, кому удалось найти что-то самое дорогое, что казалось навсегда потерянным.

В литературе не раз встречались образы людей, которые в труде искали забытые душевные раны или хот, как наркотики, приглуляли боль. У Григория Троцука другая. Сама невозможность работать, как работают все, возмущает его в естественному состоянию души. Он удовлетворяет и его чувства коллективиста, ибо объединяет его с другими людьми самыми прочными — трудовыми — узами.

В этом жизненно показанном образе рязовского советского труженика и заключается идейно-художественная ценность повести П. Оровецкого.

Здесь я должен несколько отвлечься от основной своей темы и сказать, что удача образа Троцука не позволяет закрывать глаза на весьма ощутительные слабости книги. Если говорить о главных слабостях, то прежде всего придется отметить, что П. Оровецкий не хватило красок для всех фигур его картины. Мало о ком из персонажей, кроме главного героя, можно сказать, что это вполне определенная личность. Он не живет своей жизнью в произведениях, а лишь как бы подыгрывает герою. Красок не хватило для многих: для Ишчука, работница сельпо, к которому у Григория почему-то возникло чувство неприязни и вскоре бесследно исчезло; бедными теми проходит колхозные активисты Черяк, Горжун и другие; встречаются люди, о которых вообще ничего не сказано, например некий Гнат Руленко, засвидетельствовавший свое присутствие в повести одной репликой на собрании. Недостаток этот проистекает, по-видимому, от того, что во второй части повести автор не сумел выделить опорные пункты повествования. Элемент рассказа взял верх над элементами повести, а сам рассказ к концу повести сбился на информационный. Об недостатках опыта или по другим каким-нибудь причинам, но П. Оровецкий не позаботился крепко построить сюжет и определить в нем самостоятельное место каждому лицу. И это грех не только П. Оровецкого, чем и вызвано мое отступление. Недостаток сюжета как средства художественной типизации ощущается у многих украинских прозаиков. Они отдают предпочтение простому описанию событий и явлений в хронологическом порядке, «так, как было», не забывая о том, чтобы строить оригинальные картины жизни, в которых действующие лица выявляют себя с такой полнотой, что читатель может сказать: я знаю о них все. Преобладание в сюжетосложении ведет к однообразию, что само по себе вызывает беспокойство. В ряде же случаев оно приносит прямую ущерб, потому что ведет к описательности, из-за чего значительное и второстепенное уравнивается, все становится средним. Заметно повредила описательность и многим страницам повести П. Оровецкого.

Но главный образ повести, образ Григория Троцука, во всем его художественном своеобразии, выражает важные моральные закономерности нашей жизни, и повесть, безусловно, принесет пользу, особенно молодым читателям.

К ним, к молодым читателям, непосредственно обращается и героиня повести Ю. Збанацкого «Покарайте меня, друзья!». С ними она делится своими неуверенными, мыслями, первыми крупицами своего жизненного опыта.

Известно, что в повестях такого типа — от первого лица — решающее значение имеет правда характера рассказчика, умение писателя сохранить интонацию живой речи данного лица, человека с определенным темпераментом, наклонностями, опытом. Ю. Збанацкому удалось создать эту «маленькую правду», без которой невозможна большая правда жизни.

Первые же эпизоды повести показывают, что героиня, деревенская девушка, дочь колхозной свинарки, живет в своем селе посторонним человеком, словно временно прописанная в отцовском доме. Это — недостаток ее характера или писательский просчет? Нет, однокасиница Веры Ганченко тоже чувствует себя «недером же произвольные от слова труд — трудный, трудности» — выражают не самые приятные понятия. Но есть в труде своя красота, близкая и дорогая сердцу труженика.

Тема красоты принадлежит к числу вечных, но каждая эпоха решает ее по-своему. Совсем недавно к ней обратился В. Федоров в поэме «Бессмертие». Он переплетает, горячо высказав много интересных мыслей. Но среди них есть такая, с которой хочется поспорить.

Вначале герой углубляется в воспоминания и возобновляет в памяти такую картину:

В последние годы средние школы выпускают намного больше юношей и девушек, чем могут принять вузы. Значительная часть молодежи с аттестатом зрелости должна идти на производство. Это явление заслуживает внимания с различных точек зрения. Специалист с высшим образованием платит государству своим трудом за все годы обучения. Средняя школа обязана учиться дальше. Теперь положение изменилось: добиваясь осуществления среднего образования повсеместно, государство преследует не только практические цели обеспечить контингент для вузов, но и общекультурные и общегуманистические цели. Оно дает среднее образование, не требуя прямой отдачи, как не требуют у нас, чтобы дети, обучающиеся музыке, обязательно становились оркестрантами, а изучающие живопись — профессиональными художниками. Среднее образование осуществляется у нас прежде всего для общего повышения культуры, в том числе культуры производства, и является бесспорным свидетельством успехов социализма.

Но нельзя игнорировать те психологические противоречия, которые возникают на этой почве. Длительное время у нас всеми средствами поощрялась тяга молодежи к высшей школе. Она поэтизировалась литературой, которая не могла не видеть в этом требовании жизни. Слагались песни о гармонисте, которого всей деревней провозжали в институт, о девушке, которая станет ученой. И если бы кто-нибудь начал воспевать юношу и девушку, решивших остаться после средней школы на ферме или в цехе, это, конечно же, звучало бы фальшиво, не в лад с жизнью: мы тогда, в первые пятилетки, не могли еще позволить себе такую «раскоше», чтобы люди со средним образованием делили ту работу, с которой другим справиться и люди без него.

Ясно, что вся наша работа, привлекавшая внимание молодежи к образованию, имела колоссальное государственное значение. Нам нужно было быстро создать мощную армию специалистов. Но, как это часто случается в жизни, у этой работы были и свои минусы. Когда мы говорили, что для молодежи у нас открыты все пути, то преимущественно имели в виду один путь — в учебу. А в этом уже было невольное противопоставление умственного труда физическому, во всяком случае предпочтению первого второму.

И главное — психологической стороне противоречия. Понятно, что живущие в его сознании матери Веры Ганченко, например, имеют и известные житейские причины — низкая оплата труда в их колхозе, плохая организация труда, беспорядки на ферме и т. д. Указания на эти обстоятельства есть в повести, но писателя, как видно, интересовало прежде всего становление характера героини в труде, раскрытие душевных сил девушки, нашедшей свое призвание.

Героиня Ю. Збанацкого признавалась, что ее называли теленком, и надо сказать, в этом прозвище была доля правды. Слишком мало задумывалась она о жизни. Но вот под влиянием умных и щедрых друзей людей, таких, как председатель колхоза Борзенко или секретарь комсомольской организации Меланья Зубок, Вера выходит на самостоятельную дорогу в жизни.

Еще недавно мать не пускала дочку в колхоз: куда, мол, ей с ее характером — «заключит!» Но попробуйте «заключать» такую! Какой-то упорноочный велит сеять кукурузу немедленно, несмотря на то, что почва еще не готова, в поле еще местами белеет снег. «А я решила», — говорит Вера, — никакая упорноочный агротехнику отменить не может. Буду стоять на своем, а иначе какал же я и свеневал?» И поставила на своем. Слушаешь ее рассказ, как она чуть было не бросилась под трактор, чтобы прекратить сев, как хохля в райком «защитить агротехнику», и думаешь: как же это верно, что человек не будет самостоятельным, пока не станет к самостоятельному делу!

Большое место занимает в рассказе Веры Ганченко ощущение красоты труда, радости трудового успеха. Читатель верит Ганченко, постепенно проникается ее чувствами, ее тревогами и радостью. И в этом, по-моему, самый важный художественный итог повести. Писателю удалось передать красоту колхозного труда, судьбы героини убедить читателя, что прекрасен тот труд, в котором человек наиболее полно выявляет свои возможности и находит удовлетворение не только материальных потребностей, но и потребностей духовных. Если повесть ставит задачу убедить читателя, что прекрасен тот труд, в котором человек наиболее полно выявляет свои возможности и находит удовлетворение не только материальных потребностей, но и потребностей духовных. Если повесть ставит задачу убедить читателя, что прекрасен тот труд, в котором человек наиболее полно выявляет свои возможности и находит удовлетворение не только материальных потребностей, но и потребностей духовных.

ИСКУССТВО, как известно, по самой своей природе стремится к красоте, к гармонии и имеет своей заветной целью заглянуть и вырвать красоту в жизни. Понятно, что оно не может обойти той красоты, которая открылась в творческом труде миллионов людей. Конечно, труд — не равнение, он требует сил, здоровья, в нем проходят многие годы жизни. Недаром же произвольные от слова труд — трудный, трудности — выражают не самые приятные понятия. Но есть в труде своя красота, близкая и дорогая сердцу труженика.

Тема красоты принадлежит к числу вечных, но каждая эпоха решает ее по-своему. Совсем недавно к ней обратился В. Федоров в поэме «Бессмертие». Он переплетает, горячо высказав много интересных мыслей. Но среди них есть такая, с которой хочется поспорить.

Вначале герой углубляется в воспоминания и возобновляет в памяти такую картину:

Избрал я место наудачу, У каменного голыща, Снизу за кустиком — рибачу, Ловчусь перехитрить ерша. С настоящим непонятной Мечтаю о его клевете И все смотую, Как луч закатым Разнежилась на поплаве.

В таком вот безмятежном настроении и привелось ему увидеть ту, о которой можно сказать «большое слово: красота». Она, эта красота, видно, так потрясла юношу, что у него перехватило дыхание и он ничего более выразительного не мог сказать о ней, кроме таких вот строчек:
Фантазия! Каприз природы! Прядуча света и тепла! Волна пред нею расступилась И снова преградила путь... Влетели плечи, золотились Ее заснованья туду.

И хотя старика было «под гармонью» говаривали, что
Конем любуются в упряжке, Конь на гудьбе — Еше не конь... — у юноши навсегда сохранилось чувство встречи с дивной, волшебной красотой. Но прошедшие годы, говорит поэт,
И я теперь Ее увидел, Вглянуву на мир из-под руки, Не на гудьбе — в том самом виде, Как выражалась старина. Увидел с теми же торжками, Перекаленными в печах, С шестилетними мешками На перекошенных плечах... — При встрече На дороге пыльной Ее глаза несли мне вест, Что от работы непосильной Вся свляла, не успев расцвстеть...

И много еще увидел поэт следов разрушения красоты. Разум, мысль поэта складываются перед героиней — она вынесла на своих плечах тяжесть трудных военных лет. Он уверен, что ее трудовой подвиг стоит красоты. Но чувства его возмущены потерей того, что видел он в молодости. И эмоциональную основу поэмы определяет скорее сочувствие героине, чем гордость ее подвигом.

Наиболее заметно это в той части поэмы, где автор сопоставляет судьбу своей героини с судьбой тишиновой «Венеры», будто бы прозванной нами за океан, чтоб купить машины. Свои соображения по этому поводу он заключает словами:
За красоту времен трудящихся Мы заплатили красотой.

Он представил себе Венеру, и ему показалось, что «уж ее Венера, а Наташа о укором смотри на меня». Вы, говорит, перед ветной оправдывался, но попробуй-те оправдаться перед земной! Но что это «вы»? Разве мы не делили с ней невзгод, разве не вместе несли тяжесть? Почему же нам нужно перед ней оправдываться? Вот в этом, в случайно избранном положении постороннего наблюдателя того, чем жила миллионы Наташ, и заложена, по-моему, слабость художественной позиции автора. Да, поколение Наташ пришлось взять на свои плечи такую тяжесть, какой, может быть, не несло ни одно поколение. Они иногда вынуждены были лишать себя простейших удобств, как приходилось мириться с неудобствами и трудностями строительным Комсомольска-на-Амуре. И действительно, человеку, который шел в стороне от большого дела и только издалека наблюдал, тяжело было бы смотреть в глаза строителям, не просто было бы оправдаться перед ними.

Поэт хотел воспеть трудовой подвиг советской женщины и во многих строчках сделал это искренне и влюбленно. Но противопоставление трудового подвига красоте, мысль о том, что
Мы прощаем И лес и кожи, Но красоты нехватка в нас! — по меньшей мере неудачное противопоставление, неосновательная мысль. Красота юности, к созданию, не бессмертна. Но время делает не только разрушительное дело. Вместе с морщинами и другими признаками старости оно откладывает на лице, в движениях, во всей фигуре человека красоту зрелости, чество прожитых лет. И как в каждой поро года, так в каждом возрасте есть своя красота.

Т ЕМА человека в труде имеет в нашей литературе свою историю и свои традиции, начиная с «Поэмента» Ф. Гладкова. Популярная тема легко становилась «модной» темой. Лежа, падая на моды, много повредила ей своим примитивными поделками. Но, борясь против схематизма и упрощений, не можем мы оставить вселенский «монумент», то, что не им принадлежит. Тема труда — собственность большей литературы, а не их собственности. Мы хотим видеть в литературе всю сложность и всю красоту жизни. Детство и юность, любовь и материнство, личное и общественное, преходящее и вечное — все, что интересует и его искусство. И было бы непонятно, если бы из круга интересов литературы выпало то, что не может выпаст из интересов народа, — радость, трудность, красота социалистического труда.

Как ни удивительно, но еще совсем недавно из круга литературных разговоров кое-кто пытался исключить эту магистральную тему нашей жизни. Нам толковали об искренности и самоотверженности, пугали машинным грохотом в литературе, страшили идеальным героем, лакривной, бог знает чем. А под пышной завесой эти «литературные» искусный преподносили испанское пакуество на пляжике. Но пусть мечта остается при «собственном мнении». А большая советская литература всегда будет верна великим принципам народности.

Дух народности усиливался в литературе по мере того, как проликали в нее иде свободы, по мере того, как начинала она судить о жизни народными понятиями о красоте. Сейчас одно из самых важных требований народности состоит в том, чтобы видеть и ценить человеческий труд — основу основ благосостояния народа, его духовной жизни, его эстетики.

ПО ГОРОДАМ ФЕСТИВАЛЯ

РОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Всего лишь около четырех недель, меньше месяца, осталось до того дня, когда полнозвонным хором гостеприимных улиц, площадей, парков, бульваров Москвы станет молодежь, когда тысячи голубей, взметнувшись над стадионами в Лужниках, ознаменуют начало праздника юности и девушек пяти континентов. Четыре недели — небольшой срок. Во многих городах мира молодежь собирается в далекий путь, а некоторые делегации уже направились в советскую столицу.

Первый Всемирный фестиваль молодежи и студентов состоялся в Праге десять лет назад. С того времени ведется летопись праздника юности. Что означает чехословацкая молодежь в Москве!

Сейчас по всей Чехословакии широко развернулась подготовка к фестивалю. В районах смотрят творческие коллективы участвовавшие более десяти тысяч ансамблей и около ста пятидесяти тысяч солистов. Лучшие ансамбли показали свое мастерство на итоговом смотре в Оставе. На Московский фестиваль поедут: Ансамбль песни и пляски «Лунчице», Государственный ансамбль песни и пляски Чехословацкой Республики, духовой оркестр учащихся Остравы, симфонический оркестр молодежи, симфонический оркестр под управлением В. Клока, Объединенный ансамбль народных песен, танцев и музыки.

О мыслях и чувствах чехословацкой юности и девушек рассказывает публицистическая статья С. Неймана и И. Плахетки, полученные из Праги.

В ЧЕШСКОМ НАРОДЕ живет легенда о праматери Праги — княгине Либуше, которая утопила во Влтаве золотую колыбель своего первенца. Она, гласит легенда, склонилась над водой и сказала: «Глубоко на дне покоится, колыбель моего сына, пока время не позовет тебя снова».

Пражане вспоминали эту легенду десять лет назад, когда Прага стала колыбелью Всемирных фестивалей молодежи.

Прага открыла тогда настольно веротворца средневековых укреплений и башен, гостеприимно протянула молодежи свои улицы, распростерла площади, отдала ей набережные и зеленые сады над ними. Сюда съехались семнадцать тысяч молодых людей из 71 страны да сто тысяч молодых чехословаков. Фестиваль гремел, пел, танцевал в сердце страны 30 дней и ночей.

Участникам того славного праздника юности ныне прибавилось по десятку лет. Зеленая Прага, тогда семнадцатилетний юнец, собиравший на пражских улицах автографы у гостей. За эти десять лет он стал ученым. Он поедет на фестиваль в Москву как делегат от Чехословацкого института ядерной физики, будет выступать на семинаре молодых ученых, говорить о мирном использовании атомной энергии. Он надеется поехать в институте в Дубнах и записать свое имя в его памятник.

Мы говорили с ним и с его учителем — человеком, уже не молодым, сдержанно выражаю-

щим свои чувства, но и у него при воспоминании о фестивале загорелись глаза, как и у его учителя.

И так с каждым, кто помнит дни фестивалей в Праге. Разговор этот проникает куда-то в самый затененный уголок сердца, где до сих пор горит веселый огонек, зажженный в дни фестивалей. Все в том числе и люди с седыми висками, вспоминают фестиваль с нежным чувством, как дни своей молодости. Всех волнует воспоминание о минутах пережитого подъема, электризированной атмосферы братания, о смеющихся людях с пяти континентов, воспоминания о тысячах примеров дружбы, которой молодежь не допускает только что ушедших в прошлое несчастий и бед.

Недавно я вернулся из долгого путешествия по странам Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. В Индонезии я встречался с теми, кто десять лет назад в Праге обогатил международный словарь фести-

валя словом «мердека» — свобода. Они описали мне красоту Праги в образах таких непосредственных и живых, тропических-цветистых, как это не делал до сих пор ни один из молодых наших поэтов. Для них город I фестиваля стал предметом горячей любви, важным рубежом жизни. Они гордо называют себя младшими братьями Фучика.

Мы вспоминали, что как раз в дни фестивалей 1947 года в Прагу пришло сообщение, что отряд голландской колонизаторской армии выступил с оружием против индонезийского народа, против его права на свободу и независимость.

На улицах Праги молодежь бунто бурно протестовала против этого. У лагерного огня перед спортивным залом на Виноградах, где выступали ансамбли разных делегаций, каждый вечер индонезийский студент до хрипота пел песни своего народа, а светловолосый голландец аккомпанировал ему на гитаре. Часы, когда решаются судьбы народа, обладают огромной силой. Тихого индонезийского студента они превратили в пламенного агитатора. Нежную песню о белом цветке джунгли, которым девушки с острова Бади украшают свои волосы, они превратили в пламенную манифестацию борьбы за свободу.

Этот парень был тогда единственным индонезийцем в Праге. Он стал тубоударом своего народа. Остальная часть делегации выехала из Индонезии, перед началом боев в дни фестивалей через засады препятствий пробивалась в Прагу.

А таких препятствий, которые хотели преградить путь к взаимопониманию, было бесчисленное множество. Под знаменем крестового похода против фестивалей объединились все силы реакции. Железные занавес опущены на фестивали, дреодолевали тысячи делегатов.

Когда мне случается ядрано утром по дороге от Градчан, где я живу, через Малую Страну к Влтаве, я снова и снова бываю околдован красотой, которая в любое время года смотрит из всех уголков и закруток моего города.

В кратоте пражского утра за эти десять лет ничего не изменилось. Тогда, в дни фестивалей, в первых лучах яркого солнца по улицам и паркам шли моло-

дые люди. Рубашки их были расстегнуты, рукава засучены, на плечах они несли мотыги и лопаты. Они сажали на грядки овощи и цветы, они строили дома в селе Новые Лидиче, французы, финны, венгры убирали на полях урожай, радио согревший в том году; алжирцы помогали чинить поле аэродрома, разбитое во время войны. Представители десяти национальностей обновляли самый запыленный чешский город Хеб, итальянцы и австрийцы строили дома для горняков на чешском севере.

Сегодня, когда из Странич — это район Праги — выезжает первый утренняя трамвай, среди его пассажиров есть и рабочие, живущие в домах, фундаментах которых заложила тогда молодежь фестивалей. Не было, верно, делегата, который не положил бы тут хотя бы пару кирпичей. В строительстве принимала участие и советская молодежь, особенно члены ансамбля молодых челябинских рабочих. Их Прага принимала особенно горячо — ведь это в Челябинске был построен танк, сегодня утопающий в цветах, навсегда установленный на гранитном постаменте под Петровской Армии, спешившихся в Прагу в дни мая 1945 года.

На первых стройках социализма, на стаях из кирпича и бетона молодежь писала лозунг: «Молодость и силу — делу мира!» С этим лозунгом на знаменах собирается молодежь на нынешний VI фестиваль в Москве.

Идея международной встречи прогрессивной молодежи была, по всей вероятности, при самом своем рождении настолько простой и всем понятной, что стала анонимной. Я рылся в старых архивах, в брошюрах и книгах, ища, кому, собственно говоря, первому пришла в голову эта идея, но ничего не мог найти.

Поскольку это не ясно из какой-либо бумаги, — а мне должны были выдать в таком деле, — остается только легенда, и она много милая нам, чем сухие факты. А легенда говорит, что эту идею однажды высказал на одном из заседаний Всемирной федерации демократической молодежи китайский делегат. Но ему не дали закончить мысль, он еще только намекал на то, о чем думал, а уже все согласился и, перебив друг друга, стали рассуждать, как им представляется фестиваль. А поскольку мысли

КТО ДЛЯ США ЯВЛЯЕТСЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫМ ГОСТЕМ

СТЕЙНБЕК О ЖЕЛЕЗНОМ ЗАНАВЕСЕ ГОСДЕПАРТАМЕНТА

Джон Стейнбек пишет: «Очень я собираюсь поехать в Токио на конгресс писателей, организующий международный ПЕН-клуб. Я не имею никакого понятия о конгрессах и никогда не был в Японии, и вся затея мне кажется нелепой. Но из разговоров с некоторыми старыми членами ПЕН-клуба я узнал, что конгресс подобного рода впервые проводится на Дальнем Востоке. Я спросил, давно ли такой конгресс проводился в США. «Что вы!» — ответил мне. — «Этого никогда не было, да и не могло быть». «Почему?» — спросил я. — «Потому, что мы не смогли бы добиться разрешения на въезд в США для многих переклассифицированных».

Это очень странно, но это факт. Для того, чтобы приехать в нашу страну в качестве гостя, требуется виза. Перед выдачей визы задаются некоторые вопросы. Для получения визы не надо быть виновным в преступлении или злодеянии — достаточно быть просто человеком, о котором много говорят.

В связи с этим весьма странным фактом я подумал о тех исторических личностях, которые не смогли бы посетить Соединенные Штаты при наших нынешних порядках. Они не смогли бы получить визу, чтобы посетить эту страну свободы. Я начал составлять список. Читатель сразу придет в голову и другие имена. Я перечислил имена и обвинения, которые были бы выдвинуты против них, чтобы отказать им в разрешении посетить Соединенные Штаты.

Свой юмористический перечень Стейнбек начинает с... Адама, виновного в «аморальном поведении». В списке более пятидесяти имен. Среди них: Библийские цари Давид и Соломон, поэты Гомер и Сафо, философы Сократ и Платон, даже святая ополчица Петр. За ними следуют Леонардо да Винчи, Боккаччо, Петрарка, — и они не отвечают требованиям госдепартамента. Микельанджело, Данте, Джордано Бруно, Вольтер — все были бы, по словам Стейнбека, обвинены в «подозрительной деятельности», а Жюль Верн и Мартин Лютер — в «подстрекательстве к мятежу». Стейнбек и все, кто подписал Декларацию независимости США, ибо они, говорит Стейнбек, несомненно, повинны в организации восстания и проповеди насильственной революции.

«Это не шутка, — продолжает Стейнбек. — Эти люди не смогли бы поехать в Соединенные Штаты при существующих у нас законах. Пожалуй, лицом, имеющим наименьший шанс получить визу, — наименьший среди всех, — оказался бы Иисус Христос. Обвинениями против него были бы: подстрекательство к мятежу, провоцирование волнений среди населения, нарушение порядка, побег из тюрьмы при содействии толпы».

Занимательная и пугающая игра! При наших твердых законах огромному большинству выдающихся людей всех столетий было бы отказано в гостеприимстве или разрешении на въезд в нашу страну. Я приглашаю моих читателей составить такие же списки.

И есть еще одна игра, в которую также можно сыграть: кому обеспечен радужный прием в нашей стране? Мне не хочется углубляться в этот вопрос. Я не знаю, входит ли в наше намерение оказывать гостеприимство в нашей стране только второстепенным людям, но, несомненно, именно к этому приводят наши законы. В результате Соединенные Штаты являются одной из немногих стран в мире, где великие, просветительные, достойные уважения и деятельные люди — нежелательные гости».

На снимке: плакат, выпущенный Чехословацким союзом молодежи и VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов в Москве.

В ЧЕСТЬ ШЕСТОГО ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ

Прежде всего несколько фактов из жизни нашей молодежи.

Семнадцатилетняя девушка, председатель школьного комитета Чехословацкого союза молодежи Яна Прохазкова, вернувшись с занятий, нашла дома уже второе анонимное письмо: «Ты коммунистка, будем бросать тебе камни под ноги до тех пор, пока не перестанешь...»

Не перестала.

На севере, почти у самой границы, на шахте имени Сталинграда двадцатилетний горняк Тонда Швейгерт три месяца воевал за то, чтобы был применен метод советских новаторов.

Применили.

Октябрь. Дождливый вечер. Люди теснятся у радиоприемников. Венгрия... Ночью дежурят в учреждениях. Я вспоминаю в эти часы своих друзей, с которыми встречался летом в Риме, — парни и девушки из Франции и Финляндии, Греции и Японии, Западной Германии, Судана. Мы вместе ходили по шумным вечерним улицам. Хотелось пить, и мы зашли в кафе. Я верю: они с нами и теперь, эти парни и девушки. Несмотря на то что...

А утром, под надоедливым мелким дождем, тысячи пражских студентов поехали в деревню на уборку сахарной свеклы. «Это наш ответ контрреволюции», — говорили они.

На городской конференции Чехословацкого союза молодежи в Праге зачитывается проект письма московским комсомольцам.

«В сердцах и мыслях нашего народа Москва — это штаб революции. Мы никогда не забудем, что значит для нас братская помощь советского народа. Мы будем беречь нашу дружбу как зеницу ока».

Еще с минуты стоит тишина. Потом раздается громовой взрыв аплодисментов. И каждый из сидящих в зале вкладывает в них что-то свое, личное: память о первом советском воине на родной улице, желание увидеть Москву или обязательство к фестивалю.

В декабре прошлого года Центральный комитет Чехословацкого союза молодежи принял решение о подготовке к VI Всемирному фестивалю: пусть она явится выражением нерушимого единства нашей молодежи, смотром сил нашего союза! Пусть в подготовке к фестивалю возрастут стремления молодежи учиться на опыте ВЛКСМ, творчески претворять его в повседневной работе! Пусть наша молодежь хорошо подготовится к фестивалю, поможет выполнить задачи второй чехословацкой пятилетки и тем самым укрепить мир!

В рождественские праздники в одном из литейных цехов завода имени В. И. Ленина в Пльзене собрались молодежные бригады, необходимые именно сейчас, сегодня отлить детали, чрезвычайно нужные заводу, — иначе план будет выполнен.

Заработанные деньги передали в фонд фестивалю.

Пионеры города Баньска Быстрица пишут Центральному комитету Союза молодежи: «На нашем сборе мы говорили о том, как помочь молодежи колонизаторских стран. Многие делегаты едут через Чехословакию. Предлагаем объявить сбор средств на пионерский поезд. Мы будем высаживать деревья, помогать в строительстве, собирать старую бумагу и железный лом, а деньги передадим в фонд фестивалю. Пионерский поезд станет нашей радостью и гордостью — ведь нас, пионеров, очень много в республике».

3. В молодости ШОУ

много писал для социалистических листов. Когда он стал богат и знаменит, он продолжал писать для социалистических еженедельников и ежемесячников, хотя они и не могли платить большие гонорары. Даже редакторы малоизвестных американских и европейских журналов, когда они обращались к нему с просьбой что-нибудь прислать, получали обычно одну из характерных для него открыток с несколькими остроумными замечаниями.

На протяжении многих лет я издавал шотландский еженедельник «Фортуна», выходивший в Глазго. Когда я ни обратился к Шоу с просьбой откликнуться на какой-либо животрепещущий вопрос, он неизменно отвечал мне: иногда это был собственноручный ответ, иногда — если он торопился — это была стенограмма, которую нам приходилось расшифровывать, иногда машинописный текст с тщательно внесенными в него поправками.

Шоу всегда писал ясно и разборчиво, аккуратно, изысканно почерком. Рука у него в старости слегка дрожала, но даже незадолго до смерти (в 94 года) почерк его был вполне разборчив.

Печатники любили его набирать, и не только потому, что перед ними лежала рукопись столь знаменитого автора, но и потому, что Шоу забавлялся, чтобы начертание слов не вызывало никаких сомнений; знаки препинания были расставлены так тщательно, что и самый неопытный наборщик не мог ошибиться.

Я вспоминаю, как зашел навещать его в 1940 году. Его дом на Уайтхолл корт, 4, стоял в конце квартала жилых домов, расположенных вблизи Уайтхолла и набережной Темзы. Ему было тогда 84 года, а жене его Шарлотте — 83.

Оба были так подвижны и исполнены такой жизненной силы, что совсем не казались глубокими стариками.

...Как-то Шоу встретился с Крупской. Она не очень стремилась его увидеть, так как слышала, что он груб и язвитель. Однако она нашла, что Шоу отнюдь не высокомерный себоялюбец, каким его представляли. Энгельс отозвался однажды о Шоу, как о хорошем человеке, попавшем в компанию финанцеров, и Шоу любил повторять это, поносясь.

Никогда я не видел человека, который бы так наслаждался разговором, как Шоу. За завтраком он говорил почти без перерыва. Он наверняка уделял разговор больше внимания, чем еде. Ему как раз вставили несколько новых зубов. Он прихлебывал из большой чашки овсяной суп. Миссис Шоу ела мясо, пила вино и с явным удовольствием слушала мужа. Она сама была недюжинным и независимым человеком. Она в чем-то не согласилась с ним и настояла на своем. Шоу вспомнил сказанные им однажды слова о том, что он не сторонник того, чтобы женщина предоставляла право голоса, ибо оно используется ею так же плохо, как мужчинами. Я спросил, согласна ли она с этим. «Ерунда, и столько раз я это от него слышала». Свернувшись голубые глаза Шоу на мгновение поглубили еще больше, а затем он рассмеялся. Еще до моего ухода она его забавливо уложила на диван и укрыва пледом, но он успел до этого задать вопрос финансовым делам «Фортуна», который я редактировал, и предложил мне помощь.

Если она требуется, Миссис Шоу никогда не читала воспоминаний Крупской о Ленине, и через несколько дней я послал ей эту книгу. «Заходите к

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

Эмрис Хьюб

4. Шоу был невысокого мнения об английском парламенте. Он называл его «говорилиней».

Когда кончилась война и было избрано лейбористское правительство, я редактор «Фортуна». Лейборист — член парламента от Южного Эйршайра (где я проживал) внезапно умер, и местные шахтеры попросили меня выдвинуть мою кандидатуру. Я написал об этом Шоу, рассчитывая, что он пришлет мне рекомендацию. Но в ответ пришла одна из обычных его открыток: «Худшие новости на этой неделе. Еще один первоклассный журналист будет заведен в говорилюню и утерян для печати. Молодое каждоедневно о вашем поранении».

Я послал ему позднее текст своей предвыборной речи, и он смягчился. Он прислал мне обширную рекомендацию, которая заканчивалась так: «Вам будет о чем поразмыслить, когда вы смените ваше редакционное кресло на Лондон, на тот Лондон, где люди, имеющие квалификацию, трудятся ежедневно на своих хозяев до полчетвертого с тем, чтобы получить грош из чудовищных доходов хозяина, и где они настолько политически наивны, что голосят по паразитов, которые живут на доходы от «собственности» вместо того, чтобы работать, и против нас, которые передали бы лондонские дома в собственность государства и заменили бы нынешние чудовищно высокие квартирные цены нормальной платой за жилье...»

Я отправился к Шоу через несколько месяцев после моего избрания в парламент. После того как у него умерла жена, жить в Лондоне ему не хотелось, и он уехал в свой загородный дом в Айот Сент Лоуренс в Хертфордшире. Он не порвал ни в какой степени связей с внешним миром, продолжал относиться с большим интересом к политике и к международным событиям, встречался с людьми, которые проделали трудный путь, чтобы добраться до его деревушки. У него за обедом обычно можно было увидеть театрального постановщика или кинорежиссера, интересовавшегося его песнями, широко известную кинозвезду, журналиста, зарубежного гостя.

Он был очень предупредителен по отношению к своим гостям и посылал каждому, кого он ожидал, подробные путевые указания, отпечатанные на листках зеленой бумаги. Дом его не был обширен. Он предназначался, собственно, для жилья священника; великий драматург переименовал его в «угулок Шоу».

Я нашел, что он выглядит крупным и похужеющим, менее энергичным, чем раньше; у него было просветленное лицо, говорил он с тем же мягким, мелодичным ирландским акцентом. Ему было за девяносто. Когда я задал ему вопрос о здоровье, он ответил: «Ну, что ж, службу любопытным ардеищем». Я сказал ему, что прочитал статью Ганди, где тот говорит, что собирается прожить до 130 лет. Шоу, как бы не соглашаясь, сделал жест рукой: «Ну, а я буду управляться, пока тут все в порядке», — и он с улыбкой покосился на свою голову.

Он много говорил о текущих событиях; память его была превосходна. Лишь когда мы выходили из дома, чтобы посидеть на лужайке, я заметил,

Из воспоминаний о Бернарде Шоу

что у него при ходьбе плохо гнутся колени.

Дымчатый кот выбежал навстречу и терся все время о его ноги, пока Шоу ласкал его и говорил ему что-то. У него стояло на участке несколько ульев, и он любил наблюдать за пчелами. В саду была маленькая хижина, где он работал; ее можно было поворачивать всад за солнцем. Единственное неудобство, сказал он, заключалось в том, что поворачивать хижину могут двое, один не справляется.

Он много говорил о юридических трудностях оформления завещания. Когда завещание его было опубликовано, то выяснилось, что он оставил значительные суммы на финансирование исследований по реформе английского орфографии. Этот пункт завещания оспаривался в лондонском суде. Судья отнесся к завещанию иронически и рассматривал его как одну из причуд Шоу. Но Шоу специально занимался фонетикой (виделись «Пигмалион» знает это). Желание его иметь лучший английский алфавит было вполне серьезным.

Англичане не уважают свой язык, писал он в предисловии к «Пигмалиону», и не хотят облегчить своим детям изучение его. Произношение настолько ужасно, что никто не может самостоятельно постигнуть его. Англичане не могут раскрыть рот без того, чтобы не вызвать презрительной усмешки у представителей другого слоя английского населения. Немецкий и испанский доступны иностранцам. Английский язык недоступен даже англичанам.

Для того, чтобы привлечь внимание к этому, он сделал героя «Пигмалиона» профессором фонетики.

Я не выношу тех людей, которые пренебрежительно смотрят на Шоу, как на оригинала и чудака. Это был исключительно здравомыслящий человек. Он только был всегда немного впереди своего времени. Последнее мое воспоминание о Шоу — это прощание с ним в Айот Сент Лоуренс. Его машина повезла меня на станцию. Он вышел на середину узкой дороги, чтобы убедиться, что впереди нет встречной машины и помахать нам рукой на прощание. Поворачивая за угол, я увидел последний взмах руки. Больше я его не видел.

Мы продолжали вести переписку вплоть до его смерти. Смерть Шоу последовала от падения, когда он обрел ветки в своем саду. Если бы не этот несчастный случай, он отпраздновал бы, вероятно, столетний годовщину. Одна из его последних статей, написанных им для «Дейли геральд», еженедельного официоза лейбористской партии, посвящена была критике внешней политики лейбористского правительства. Он выступил в защиту тех лейбористов, которые не пользовались благосклонностью партийного руководства из-за критических высказываний.

Шоу — великий драматург и писатель. Полностью его труд будет оценен лишь постомтумом. Он никогда не забывал, однако, о том, что он социалист. Я всегда буду помнить, как он помогал нам, как он стремился рассеять заблуждения, как изобличал он фальшь и лицемерие, как боролся за более разумную цивилизацию».